

НАРОДНАЯ УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

*70-летию Победы
в Великой Отечественной войне
посвящается*

**ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БЕЗ ВОЙНЫ.
ДЕТИ ВОЙНЫ О ВОЙНЕ И ПОБЕДЕ**

Под общей редакцией доктора исторических наук,
профессора В. И. Астаховой

Харьков
Издательство НУА
2014

УДК 821.161.1-94(477):94(47+57)''1941/1945''-053.2(082)
ББК 63.3(4УКР)622,6-284.1ю14я43
П62

Редакционная коллегия

Астахова В. И., д-р ист. наук, проф. (отв. ред.);
Астахова Е. В., д-р ист. наук, проф.; Белоусова Е. В.;
Билык В. Н.; Ена Т. Н.; Крымская Г. В.; Козицкая И. В.

Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. В. И. Астаховой

Рецензенты: д-р социол. наук, проф. *Климова Г. П.*
(Национальный юридический университет
им. Ярослава Мудрого);
д-р ист. наук, проф. *Городяненко В. Г.*
(Днепропетровский национальный университет
им. Олеса Гончара)

У книзі зібрані спогади про війну та День Перемоги тих, хто в дитячому віці пережив усі жахи воєнного лихоліття та радісне усвідомлення Перемоги над фашистськими загарбниками. Головний інтерес усіх публікацій полягає в тому, що у них відображено дитяче сприйняття тих далеких тепер подій, які внаслідок їх особливої значущості в долях людей на все життя відбилися в пам'яті і найменших, і тих, хто зустрів Перемогу вже майже дорослим.

Робота представляє інтерес для всіх, хто цікавиться історією Великої Вітчизняної війни, хто намагається зрозуміти й оцінити з погляду сьогодення той грізний, великий час і подвиг великого народу-переможця.

П26 **Первый** день без войны. Дети войны о войне и Победе / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2014. – 160 с.

В книге собраны воспоминания о войне и Дне Победы тех, кто в детском возрасте пережил все ужасы воєнного лихоліття і ликующее осознание Победы над фашистскими захватчиками. Главный интерес всех публикаций состоит в том, что в них отражено детское восприятие тех далеких теперь событий, которые в силу их особой значимости в судьбах людей на всю жизнь отпечатались в памяти и самых маленьких, и тех, кто встретил Победу уже будучи почти взрослым.

Робота представляє інтерес для всіх, хто интересується історією Великої Отчезественной войны, кто пытается понять и оценить с высоты сегодняшнего дня то грозное, великое время и подвиг великого народа-победителя.

УДК 821.161.1-94(477):94(47+57)''1941/1945''-053.2(082)
ББК 63.3(4УКР)622,6-284.1ю14я43

Алексей Сурков

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрочки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост над окопом переднего края
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто часто.
Тишина... Тишина... Не во сне – наяву!
И сказал пехотинец: – Отмаялись! Баста! –
И заметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.

Встали в памяти в ряд мертвецы и живые,
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немислимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Он стоял, пехотинец, смеясь и рыдая,
Подпирая прикладом колючий плетень,
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.

9 мая 1945 г.

ВВЕДЕНИЕ

День Победы – это судьбоносное событие для всех людей, живущих сегодня на этой земле. Кто-то это хорошо понимает, кто-то не очень, а кто-то просто не хочет понимать. Но жизнь, десятилетия, отделяющие нас от 9 мая 1945 года, все расставляют по своим местам предельно четко, убедительно, подтверждая, что этот День на многие десятилетия вперед определил судьбы человечества и каждого из нас в отдельности.

Этот Великий День еще раз показал миру, что народ, ведущий справедливую, освободительную войну за свободу и независимость своего Отечества, защищающий свой Дом, свою семью и свои идеалы, победить невозможно, что рано или поздно наступает возмездие и враг, посягнувший на эти святые для каждого человека ценности, терпит неизбежное поражение.

К сожалению, сегодня с каждым днем мы теряем уникальную возможность услышать о событиях тех грозных лет и особенно о Дне Победы от их непосредственных участников и очевидцев. Уходит поколение победителей, и даже их дети уже давно пенсионеры и не всегда готовы вспоминать. Но для сегодняшних детей, живущих в атмосфере искажений, извращений, перекраивания истории и подтасовок фактов, целенаправленного зомбирования и кодирования сознания, абсолютно необходимо знать о том героическом времени из первых уст. И не важно, кто расскажет об этом – известный военачальник

времен Великой Отечественной или тот, кому в День Победы было 6–10–12 лет.

Важно только, чтобы это были воспоминания тех, кто самолично все это пережил, тех кто шел в бой за Родину, выстоял и победил; кто согревал близких своим дыханием в стужу блокадных ночей; кто ради правого дела сердце и жизнь отдать был готов; кто ковал Победу в тылу у врага; кто выжил в тяжелые дни оккупации, кто видел войну глазами ребенка.

С каждым годом, с каждым днем, с каждым маем все меньше опаленных войной бывших мальчишек и девчонок, уже успевших стать прадедушками и прабабушками, очевидцев Великой Победы «со слезами на глазах». Хочется, чтобы и наши правнуки услышали их.

Именно с этой целью в Народной украинской академии было принято решение в честь 70-летия Победы собрать и опубликовать воспоминания тех, кого сегодня правильнее было бы называть не дети войны (у войны просто не может быть детей, они их уничтожает, а не рождает), а дети Победителей.

Школьники и студенты Академии обратились к членам клуба ветеранов образования Харьковщины, к своим подшефным ветеранам Великой Отечественной, пережившим военное лихолетье, ставшим прямыми свидетелями разгрома фашистских захватчиков и празднования первого Дня Победы. Воспоминания этих людей в чем-то очень похожи. Оккупация и эвакуация – это голод и холод, лишения и страдания, слезы и кровь, горечь утрат и непреходящий страх за себя, за своих близких, за маму – спасительницу прежде всего. А День Победы – это всеобщее ликование, яркое солнце, море цветов, улыбок и слез. И все же эти детские впечатления, такие непосредственные и искренние, позволяют воссоздать достаточно объемную картину того, каким он был, этот первый День без войны.

На страницах этой книги читатель найдет описание того,

как праздновали День Победы в Москве и в Чите, в глухом дальневосточном поселке и в столице Чехословакии. Конечно, больше всего ярких впечатлений и запоминающихся деталей связаны с Харьковом и его главной площадью, куда стекались толпы людей, чтобы в эти торжественные минуты быть рядом друг с другом, вместе испытывать чувство восторга и счастья.

И пусть что-то в этих воспоминаниях приукрашено, а что-то навеяно послевоенными книгами и кинофильмами, это не снижает их значимости, поскольку это пишут современники, и факты, приводимые ими, дополняют наши представления о том историческом дне, к которому они оказались причастными.

Думается, что в данном случае приукрашивание или фантазерство значительно лучше, чем забвение и умолчание, ибо забвение порождает манкуртизм и ведет к прерыванию связи времен и поколений со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями.

И потому наш низкий поклон тем, кто откликнулся на нашу просьбу и поделился своими детскими впечатлениями о первом Дне без войны, и огромное спасибо тем, что прочтет эти удивительные страницы о счастье и радости Победы.

Редакционная коллегия

АБРАМОВА КЛАВДИЯ ИВАНОВНА

Абрамова К. И. родилась 21 сентября 1923 года в селе Песковатовка Тамбовской области.

Перед войной закончила школу и поступила в железнодорожное училище. В августе 1941 года училище было эвакуировано в Сибирь, где совсем еще молодые юноши и девушки работали на военном заводе.

В 1942 году пошла в военкомат, чтобы добровольцем пойти на фронт. Но в военкомате отказали, объяснив, что работа на военном заводе – это тоже фронт.

В 1944 году вернулась в родной город Грязи Липецкой области.

По путевке комсомола в 1947 году поехала работать в Литву, где в это время было неспокойно: охотились на коммунистов, комсомольцев «лесные братья».

Во время первых выборов в Верховный Совет СССР была членом избирательной комиссии. Стремясь сорвать выборы, «лесные братья» обстреляли телегу, на которой члены комиссии везли бюллетени в Клайпеду.

В Литве вышла замуж за Абрамова Якова Яковлевича, который служил в летном полку. Жили в Нимерзате под Клайпедой.

В Клайпедо родились дочери Лариса и Наталья.

В 1955 году переехала в г. Крустпилс (Латвия), т. к. туда был переведен полк, где служил муж. В 1960 году после демобилизации мужа семья переехала в Харьков.

Рабочий стаж Клавдии Ивановны – 52 года. В Литве и Латвии работала в детском саду, в Харькове – бухгалтером в сберегательной кассе.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В 1999 году Абрамов Яков Яковлевич и Абрамова Клавдия Ивановна отметили золотой юбилей свадьбы. Но и сегодня,

несмотря на преклонный возраст, Клавдия Ивановна с готовностью откликается на просьбы о встречах с молодежью, стремится передать им свои знания и жизненный опыт.

ЭТО ПРАЗДНИК СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ...

Вспоминая голос Левитана в ночь на 9 мая о подписании германским командованием акта о капитуляции, я плачу.

Прошло уже почти 70 лет с тех пор, но свежи в памяти слова и интонация диктора о Победе, те ощущения, которые испытал каждый из нас, познавших все тяготы жестокой войны, та радость и счастье, наполнившие наши сердца.

Сколько буду жить, столько буду помнить, и столько День Победы будет самым святым праздником для меня, моих детей и моего внука. И я уверена, что и для десятков миллионов украинцев, россиян, белорусов это будет на все времена праздник «со слезами на глазах», и все поколения людей будут помнить тех, кто отдал свои жизни во имя мира, кто ковал победу в тылу. Никогда не зарастут братские могилы солдат, на которые будут приходить внуки наших правнуков, чтобы почтить память героев.

Меня зовут Абрамова Клавдия Ивановна, мне 90 лет, все тяготы войны я испытала, когда фашисты уже в июне начали бомбить железнодорожный узел Грязи, где я родилась; когда на военном заводе в Сибири при 40-градусном морозе 17-летней девчонкой изготавливала снаряды для пушек; когда голодала и, чтобы не умереть с голоду, на полях из промёрзшей земли добывала мерзлую картошку. И когда пошла в военкомат, чтобы попасть на фронт, а в голове была только одна мысль: там кормят. На фронт меня не взяли, и я продолжала работать на заводе. Как ни тяжело было, мы понимали, что работаем для фронта, для победы, в которую мы безоговорочно верили. В 1943 году наш завод вернулся на освобожденную территорию,

но еще полтора года была война, были похоронки, которые приходили в наш город, были сводки с фронтов об освобожденных территориях, и все ближе была Победа.

И вот настал этот день, который мы так ждали: ночью 9 мая голос Левитана из громкоговорителей, уставленных на улице, сообщил об окончании войны. Меня и моих младших брата и сестер

разбудила мама. Спросонья мы не понимали, почему мама плачет, что-то кричит нам и зовет нас на улицу. Там около громкоговорителя уже собралась вся наша улица, люди были одеты наспех. Но разве мы обращали на это внимание, ведь голос диктора говорил об окончании войны! По сводкам с фронтов мы чувствовали приближение Победы, ведь наши войска уже воевали в Берлине, и все равно услышанное было неожиданно. Помню эти первые мгновения: сначала такая тишина, что слышалось дыхание стоящих рядом, потом все смешалось: плач, смех, крики «ура», люди обнимали друг друга, целовались, поздравляя друг друга с Победой. И, конечно же, по русскому обычаю всем миром решили отметить Победу. Прямо на земле во дворе нашего дома мама и соседи расстелили полотенца, из дома принесли, кто что мог, а могли немного, ведь была карточная система, мы жили впроголодь. И первый тост, конечно, был за Родину, за Сталина, за Победу! Затем помянули тех, кто погиб, защищая Родину. Гуляние

продолжалось долго. Мои младшие брат и сестры, набегавшись и накричавшись, заснули, а взрослые (мне уже было 22 года) еще долго говорили о том, как изменится жизнь после войны, как всем миром будем помогать тем, у кого пострадали дома во время бомбежек, мечтали о мирной жизни и о том, как хорошо и дружно будем жить.

В июне-июле 1945 года жители нашего городка на вокзале встречали эшелоны с солдатами и своих земляков, возвращавшихся с фронтов Великой Отечественной, хлебом-солью, цветами. Провожали в 1941 сотнями, встречали в 1945 десятками. Ни один из маминых родственников не пришел с войны, и горе потери близких коснулось каждой семьи нашего городка. Вот почему надо помнить, вот почему молодое поколение должно знать, кто спас мир. И горько сознавать, что некоторые политики в Украине пытаются пересмотреть итоги Великой Отечественной войны и воинов-освободителей называют оккупантами. Но пока живы мы, пережившие войну, пока живы наши дети, внуки, правнуки, мы им этого не позволим!

Вспоминая первый день мира, конечно же, вспоминаешь о других событиях войны, ведь все это неразрывно связано в памяти. Пусть никогда не повторятся ужасы войны, пусть наши дети знают о войне только по рассказам, но пусть никогда не забывают о том, какие жертвы были принесены во имя Победы!

Подготовила Л. Я. Бельчикова

АРТЕМЕНКО ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА

Артеменко Л. А. родилась в августе 1942 года в г. Алма-Ата. После освобождения родного города в 1943 г. вернулась в Харьков. Закончив среднюю школу, поступила в Харьковский педагогический институт иностранных языков, который затем стал факультетом Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. После окончания университета в 1964 г. осталась там работать на кафедре английского языка, сначала в должности преподавателя, затем старшего преподавателя.

Преподавала на всех неспециальных факультетах, достаточно серьёзно занималась методикой английского языка. Дополнительное образование получила в университете г. Лидс (Великобритания).

МОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Я родилась во время войны в г. Алма-Ата в Казахстане, где моя семья находилась в эвакуации. Отец, кадровый военный, дядя и тётя находились на фронте. Мой дядя, брат мамы, погиб в 1943 году. Отец был тяжело ранен в ногу и остался инвалидом на всю жизнь. Дедушка, отец мамы, машинист паровоза, работал в тылу.

В Харьков моя семья вернулась в 1945 году сразу же после Победы. Войну я помню смутно, но очень хорошо помню послевоенное детство. Мы жили в бабушкином доме на Холодной горе. Детей в нашей большой семье было четверо. Было голодно, но жили дружно.

Помню очень хорошо огромные очереди за хлебом. Стояли

вместе с моей двоюродной сестрой в длинной очереди и мечтали, чтобы к буханке хлеба был довесок. Буханку хлеба бабушка делила на порции, большую часть для работающих родителей, а довесок мы могли съесть по дороге домой. Самым большим лакомством для детей были самодельные петушки на палочке, которые варили из сахара и красили свеклой.

Игрушек не было. Пластмассового пупса мне привез отец из какой-то командировки, когда мне было уже лет шесть. А бабушка из лоскутков сшила для игрушки платьице и тапочки. Играли пупсом все дети с нашей улицы. Мама рассказывала, что как-то моя сестра, тогда ей было лет 12, вспоминала, как в довоенное время покупали шоколадные фигурки и сколько было игрушек, а я, малышка, вдруг заявила: «А мне бы хлебушком наесться и никаких игрушек не надо».

Когда я пошла в школу, в классе было около 40 учеников, а домашние задания мы выполняли на полях газеты при свете копилки.

Родители работали с утра и до ночи, как и все остальные в послевоенное время. Требовалось много времени и сил, чтобы восстановить фабрики и заводы, города и села. Мужчины и женщины, старики и дети голодали, но трудились весело, дружно, с энтузиазмом – весь наш народ одержал великую Победу над фашизмом.

Война наложила отпечаток на характеры людей. Те, кто вернулся с фронта, стали твердыми, суровыми и молчаливыми. Вспоминали погибших родных и друзей, но знали одно – больше такого допустить нельзя. Главный лозунг был: «За мир во всем мире».

Дети воспитывались в духе патриотизма, любви к Родине, к людям, их учили ценить человеческую жизнь, учиться и работать на благо Родины. Это были не пустые слова. Наше

поколение помнит и чтит память тех, кто отдал свою жизнь и здоровье за то, чтобы мы жили в мире и никогда не испытывали всех ужасов войны...

Бывали ли вы когда-нибудь на воинском кладбище? Обратите внимание на даты смерти тех, кто погиб во время этой страшной войны. Это молодые люди в возрасте 18–20 лет! А ведь им так хотелось жить, учиться, работать, любить, но они сражались за Родину, за мирную жизнь будущих поколений.

Глядя на нынешнее поколение, хочется пожелать им быть достойными гражданами нашей страны, ценить все, что для них сделано их прадедами, помнить, что любые конфликты можно решить мирным путем, и идти по жизни с достоинством и честью.

9 Мая – День Победы – это счастье, радость, надежда, любовь, слезы, горе, боль о тех, кто не вернулся и никогда уже не вернется. Яркая картина – кадры из фильма «Летят журавли» – встреча на вокзале вернувшихся с фронта. Музыка, цветы, песни и девушка Вероника, рыдающая с букетом в руках, которая так и не смогла поверить, что ее любимый погиб. Что же чувствовали наши родные и близкие? Моя бабушка потеряла сына, мама – брата, мой отец-капитан – стал инвалидом, и так почти в каждой семье. В стране разруха; хлеб и масло, да практически все продукты и предметы быта по карточкам. Мои родители вместе со всеми работали по 10–14 часов в сутки. Плечом к плечу работали русские, украинцы, евреи, поляки, казахи, и всех объединяло – мы победили, мы восстановим производство, мы наладим мирную жизнь, мы возродим нашу Родину. Мы всегда будем помнить и чтить тех, кто отдал жизнь ради Победы! Как представители старшего поколения мы всегда будем стремиться передать молодому поколению те моральные ценности, которые присущи нашему народу.

Подготовила Т. Н. Ена

АСТАХОВА ВАЛЕНТИНА ИЛЛАРИОНОВНА

Астахова В. И. родилась 4 апреля 1935 г. в городе Днепропетровске в семье служащих. Во время оккупации Украины фашистами находилась с мамой и младшим братом в эвакуации в Воронежской области, станция Сургут Сергиевского района. Здесь в Сургуте поступила в первый класс местной начальной школы. Из эвакуации семья 9 мая 1945 г. вернулась на родину отца – в Харьков, где прожила всю свою жизнь.

В 1952 г. после окончания СШ № 132 поступила на исторический факультет Харьковского государственного университета, который окончила с красным дипломом в 1957 г. В 1963 г. после окончания аспирантуры при ХГУ защитила кандидатскую диссертацию, в 1981 г. – докторскую. Преподавала в университете, а с 1978 г. – в юридическом институте. После провозглашения независимости Украины в 1991 году вместе с группой вузовских преподавателей-энтузиастов создали инновационное учебное заведение – Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия», ректором которого была избрана в 1991 г. Возглавляла работу НУА и преподавала учебный курс «Научная организация труда студентов» до октября 2011 г., когда по состоянию здоровья перешла на должность советника ректора. Имеет правительственные награды и поощрения. С 2011 года является Почетным гражданином города Харькова.

МЫ ОБЯЗАНЫ ПОМНИТЬ

Я пишу эти строчки от имени старшего поколения, от имени «детей войны». Дети войны – это новый термин в нашей сегодняшней действительности. Гордый и горький, очень

тревожный и ответственный. Гордый потому, что люди моего поколения были непосредственно причастны к величайшей трагедии XX века и сумели преодолеть ее с честью и славой, придя вместе со всем советским народом к грандиозной победе над фашистским чудовищем.

Дети войны – они шли рядом по одной земле, дышали одним воздухом, жили одними проблемами с теми, кто ценой своей жизни спас их детство, отстоял их Отечество от порабощения и подарил им вечно сияющий, светлый и неповторимый праздник Победы.

А горечь этого поколения состоит в том, что невозможно смириться с попытками опорочить, извратить те события, свидетелями которых были дети войны, облить грязью героическую историю тех грозных лет, исказить, сломать процесс формирования исторического сознания новых поколений, любой ценой вышибить из них эту Память, посеять страх и сомнения. Не допустить этого, передать молодежи святую правду о войне, рассказать им о героическом подвиге народа, сломавшего хребет фашизму – вот за это сегодня в ответе поколение детей войны. И делать это сегодня очень трудно, но мы понимаем – если не мы, то те, кому эта правда мешает, кто хотел бы обелить свое гнусное прошлое, связанное с фашизмом и бандеровщиной, вольют в сознание юных отраву, ложь, поклеп, искоренят память о великой Победе великого народа, отберут у молодых главную жизненную опору – возможность гордиться своей землей, своими предками, своей героической историей. И допустить этого нельзя!

Когда прогремели залпы победных салютов, мне только-только исполнилось 10 лет. Конечно, совсем не так много может сохранить память десятилетнего ребенка. Но были такие яркие, такие взрывающие сознание эпизоды, которые сохранились в памяти навсегда. Я например, отчетливо помню первый день войны... Страх, растерянность и смятение взрослых, слезы мамы, дрожащий голос отца, когда он привез нас на пристань,

откуда уходили лодки и баржи через лиман на Одессу (мы жили перед войной в Аккермане – сейчас это Белгород-Днестровский). Немцы беспрерывно бомбили и обстреливали переправу, вокруг горели вещи, какие-то ящики, железнодорожные платформы. И еще совсем рядом ревели коровы – стадо загоняли в воду и расстреливали, чтобы не досталось врагам. А на воде горели расстрелянные с самолетов лодки и плоты, из которых выпрыгивали люди. Это был второй день войны, было очень страшно, а в сознании шестилетнего ребенка эти картинки отпечатались навсегда.

Семья В. И. Астаховой. 4 сентября 1941 г.

Конечно, все события, связанные с войной, не понимала и не запомнила. Но как однажды в эвакуации среди ночи мама разбудила нас с младшим братом и, рыдая от счастья, сообщила нам, что советская армия освободила наш родной город Днепропетровск и что скоро придет Победа – это поняла и запомнила навсегда.

И она пришла... День Победы – первый День без войны помню в деталях почти поминутно. Этот День для нас с мамой начался ночью в вагоне поезда, в котором возвращались из эвакуации на Родину отца – в Харьков. О капитуляции Германии сообщили в 2 часа ночи, когда поезд остановился в Белгороде. Все высыпали из вагонов – взрослые, дети, старики, кричали, плакали; стрельба, звон колоколов, рев сирены. Это был один общий вопль восторга, счастья, горя и радости одновременно, это было что-то сверхчеловеческое, чего невозможно забыть и невозможно представить тем, кому этого не довелось пережить. И только часов в пять утра поезд снова тронулся по маршруту. А утром мы вышли на привокзальную площадь Харькова. Нас встречал папин брат на маленьком грузовичке. Мама побросала туда наши мешки и сумки, а сами мы бегом-бегом через весь город – на площадь Дзержинского. Там шел митинг. Мы с братом еще совсем малыши – 8 и 10 лет. Но добежали! Усталости не помню. А вот тот же самый непередаваемый крик, в котором смешались счастье и горе, радость и боль, слезы и смех, – этого не забыть никогда. Именно с этого Дня – 9 мая 1945 года я веду отсчет своей сознательной жизни и считаю этот День главным в своей биографии.

Подготовила Т. Н. Ена

БАТРАЧЕНКО НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА

Батраченко Н. В. родилась 28 июня 1937 года в городе Харькове в семье военнослужащего. В 1939 году семья переехала по месту службы отца – капитана II ранга Балтийского флота в большой портовый город Либава (Лиепая), расположенный на берегу Балтийского моря (Латвийская ССР). 22 июня 1941 года, после первых бомбовых атак на город, вместе с мамой эвакуировалась в город Харьков, где и прожила всю войну.

В 1945–1955 гг. училась в харьковской средней школе № 6. После окончания

10-го класса с 1955 по 1958 год работала швеей на Швейной фабрике им. Тинякова. 1958–1962 гг. – освобожденный секретарь комсомольской организации фабрики.

1962–1965 гг. – работала старшим инженером планового отдела фабрики.

1965–1967 гг. – училась в Высшей партийной школе в городе Киеве и с 1967 по 1973 год работала в Ленинском райкоме партии.

С 1973 по 1977 год – заместитель председателя Ленинского районного совета депутатов трудящихся.

1977–1981 гг. – заместитель генерального директора швейного объединения «Коммунар».

С декабря 1981 года по настоящее время – директор профессионально-технического училища № 12 (сегодня Харьковского высшего училища швейного производства и быта Украинской инженерно-педагогической академии).

Избиралась депутатом 3-х созывов Ленинского районного Совета народных депутатов.

Награды: Заслуженный работник образования Украины, орден «Княгини Ольги», Отличник народного образования УССР, знаки Антона Макаренко, «За весомый вклад в развитие профессионального образования», медаль «Деловой человек Украины», Диплом Международного Конгресса защиты прав и свобод человека «Мир».

ПАМЯТЬ – ЖИВОТВОРНАЯ СИЛА НАСТОЯЩЕГО

День Победы 9 мая 1941 года запомнился мне достаточно хорошо. Мне было тогда уже семь лет. В мае 1945 года, когда освобожденный Харьков поднимался из руин, в городе было тихо. Люди много и трудно работали на восстановлении родного города. Мы жили тогда в Ленинском районе. О Дне Победы официально было объявлено по радио. Голос Левитана мгновенно разлетелся по всем харьковским улицам и площадям. Люди вновь и вновь слушали важное сообщение Совинформбюро о долгожданной победе, ловили каждое слово и каждую интонацию. Жители спешили на улицы, чтобы в эти благодатные минуты быть рядом с другими. Создавалось впечатление, что на улицы вышел весь Харьков. Люди того времени прекрасно помнят, как в этот день ликовала вся наша страна. Даже солнышко светило по-особому ласково. Я была свидетелем всенародного счастья и необыкновенного душевного порыва по случаю Великой Победы над фашистской Германией. Люди не стеснялись слез, знакомые и незнакомые целовали и обнимали друг друга, искренне радовались наступлению долгожданного мира. Мне кажется, что такой душевный подъем харьковчане и люди всей планеты Земля переживали лишь

один раз за всю историю человечества – 9 мая 1945 года. Это был конец страданиям и потерям, это была надежда на лучшую и непременно счастливую жизнь и это был конец фашизму.

Оглядываясь с 75-летней высоты свой жизненный путь, могу сказать, что существуют только два фактора, обеспечивающие успех и удачу: добросовестное отношение к работе (трудолюбие) и внутренняя чистота мыслей и действий (высокая моральность). При этом следует строго соблюдать девиз: забывать добро, сделанное тобою, и помнить добро, сделанное тебе другими. Соблюдая эти правила, я прожила хотя и сложную, но очень интересную жизнь. Большая ее часть прошла уже в ушедшем от нас бурном, трагическом и героическом XX веке.

Мне повезло – я постоянно встречала на своем жизненном пути талантливых и добрых людей, которые помогали мне успешно проходить суровые жизненные университеты.

Судьба сполна дала ощутить, что такое доброта, уважение, порядочность, деликатность, человечность и честь.

Мне кажется, нашему правительству необходимо подумать и обязательно учредить специальную награду для тех граждан страны, которых мы называем «Дети войны», которым удалось выжить в страшное военное лихолетье и стать достойными гражданами своего Отечества.

Дети войны – это новое поколение ветеранов, которые подставили свое плечо нуждающимся и всегда стояли и стоят на страже мира, продолжая дело отцов и матерей.

Дети войны, проявляя заботу о людях старшего поколения, одновременно передают детям и внукам накопленный опыт, лучшие традиции старшего поколения с тем, чтобы в независимой Украине жилось свободно, легко и радостно под мирным небом.

*Подготовили: Анастасия Кравченко,
А. А. Кусяк, Е. В. Белоусова*

БОГОНОС МАРИЯ ТЕРЕНТЬЕВНА

Богонос М. Т. родилась 30 марта 1928 года в селе Александрополь Петропавловского района Днепропетровской области. В семье было четверо детей. Мария самая младшая, два старших брата и сестра Анна.

В 1941 году закончила 3 класса в селе Александрополь. В 4-й класс перешла в школу в селе Доброполье Донецкой области. Началась война, было не до учебы. После окончания войны в семье были материальные трудности, поэтому не было возможности учиться. Закончила только 4 класса,

после чего пошла работать в колхоз.

В 1942–1943 гг. находилась на оккупированной фашистами территории. С 1943 по 1950 год выполняла разнообразные сельскохозяйственные работы. В 1950 году, после получения паспорта, переехала в г. Краматорск Донецкой области, работала в мартеновском цехе на заводе им. Куйбышева.

За добросовестный труд награждена почетными грамотами «Ударник коммунистического труда».

В 1951 году вышла замуж.

В 1952 году родилась дочь Раиса.

В 1978 году была уволена с завода в связи с достижением пенсионного возраста.

С 1980 по 1982 год жила в Казахстане. В 1982 году вернулась в г. Краматорск.

С 1983 по 1988 год работала в Краматорском объединении «Продтовары».

В 2006 году переехала на постоянное место жительства в г. Харьков к дочери, где и проживаю в настоящее время.

В 2002 году получила статус участника войны.

Я ПОМНЮ ТОТ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ДЕНЬ

Я помню тот день, когда объявили, что кончилась война. Телевизоров и радиоприемников в селе не было. 9 мая утром мы услышали звон колокола, какой-то особенно звонкий и торжественный. Жители деревни бежали к сельсовету, но радостная новость, казалось, бежала впереди всех. Повсюду слышалось одно слово: «Победа». Его произносили громко и шепотом, радостно и со слезами на глазах.

Из нашей деревни на фронт было направлено более 100 человек, но вернулись домой немногие. Мои братья тоже воевали. Макар погиб, освобождая Польшу. Мы даже не смогли

побывать у него на могиле. А брат Петя вернулся после сражений на Курской Дуге с обмороженными руками и ногами.

Все понимали, что погибших уже не вернуть, но Победа принесла нам надежду на возвращение выживших в этой страшной войне мужчин, которых так не хватало в деревне.

Помню, откуда-то появилась гармонь и по всему селу разлетелись

звонкие частушки.

Ближе к вечеру все соседи с нашей улицы собрались вместе, столы установили, принесли продукты, кто что смог, и устроили настоящий пир. Вспоминали погибших односельчан; мой брат

и другие мужчины, демобилизованные по ранению, рассказывали истории из своей фронтовой жизни, женщины вспоминали дни оккупации. Поднимали тосты за победу и за нашу армию. Казалось, что гора с плеч свалилась, и даже дышать стало легче.

По возвращению наших односельчан устраивались посиделки, где они рассказывали о войне.

После войны тоже было очень тяжело.

Каждую семью облагали большими налогами: нужно было сдать государству мясо, яйца и молоко. Картошку тоже надо было сдать, в зависимости от урожая, одно время налог брали даже с кустов и яблонь.

В то время не было соли. Мама однажды напекла картофельных пирожков и пошла продавать, чтобы поменять на соль. А один мужик подошел, выхватил и забрал эти пирожки, сказал, что мы спекулируем. Люди были разные.

Тяжелое было время, но мы все пережили, и не сможем никогда об этом забыть.

Подготовили: В. А. Лымаренко, Е. В. Белоусова

БОНДАРЕНКО НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

Бондаренко Н. П. родился 2 июня 1921 года в г. Балаганске Иркутской области. По призыву советского правительства в 1939 г. окончил Канский аэроклуб. Без отрыва от учебы в училище совершил 111 полетов разной продолжительности. В Красную Армию призван в сентябре 1940 г. Служил рядовым и сержантом в г. Куйбышевка-Восточная Амурской области. Там же встретил войну и был направлен на учебу в Московское Военно-Политическое училище им. В. И. Ленина, по окончании которого был командирован в звании лейтенанта на 1-й Бело-

русский фронт комсоргом 1040-го стрелкового полка 295-й стрелковой дивизии.

В боях участвовал на территории Польши, Германии. Закончил войну 2 мая участием в штурме Берлина.

После Великой Отечественной войны 8 лет служил в воздушно-десантных войсках парторгом, затем зам. командира 137-го парашютно-десантного полка по политчасти. В 1960 г. с отличием окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина и назначен начальником политотдела отдельной дивизии ракетных войск стратегического назначения в Среднюю Азию. После 5 лет службы переведен зам. начальника политотдела Харьковского ВКИУ им. Маршала Н. И. Крылова, откуда через 5 лет уволился в запас и отставку.

После увольнения из армии 22 года работал преподавателем истории в Харьковском университете радиозлектроники. Кандидат исторических наук, профессор кафедры истории. Награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, орденами Красной Звезды, Богдана Хмельницкого и «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и мн. др.

Член пресс-центра Харьковского областного Совета ветеранов.

БУДЕМ ПОМНИТЬ ВСЕГДА

Известно, что Знамя Победы над рейхстагом 30 апреля 1945 года водрузили воины 1-го Украинского фронта сержант Егоров и рядовой Кантария. Наш 1040-й Померанский ордена Кутузова стрелковый полк вместе с другими частями 295-й Херсонской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова дивизии продолжал штурмовать Берлин и к двум часам 2-го мая по местному времени подошел к Бранденбургским воротам.

По приказу командира полка Героя Советского Союза полковника Н. С. Козлова при нашей поддержке огнем комсорг роты Павел Волик водрузил Знамя Победы на Бранденбургских воротах, за что был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а в 12:00 поступило сообщение о капитуляции Берлинского гарнизона. Для нас это сообщение ознаменовало конец войны, хотя в других населенных пунктах ещё продолжались бои.

Как мы отреагировали на это историческое и долгожданное событие?

Сразу же возник стихийный салют из всех видов стрелкового оружия. Военнослужащие всех званий обнимались, целовались, поздравляли друг друга. Одни плакали от радости, другие – от горя, принесшего их друзьям и родным гибель и увечья.

В первый же день после войны нам пришлось, кроме приведения в порядок своего внешнего вида, кормить голодающее население Берлина. Командующий нашей 5-й Ударной армией генерал-полковник Берзарин Н. Э., назначенный комендантом города, установил, что берлинское население голодает, и приказал немедленно кормить его из наших походных кухонь.

Мне как комсоргу полка, тогда лейтенанту, приказано было контролировать регулярную доставку и раздачу пищи немцам. Хочется отметить, что нет в мире такого другого примера,

Лейтенант
Бондаренко Н. П.
1945 г.

когда бы подобная армия кормила бесплатно своих вчерашних врагов.

За световой день на нашем участке пищу получали до тысячи человек. Это были в основном женщины, дети, старики, инвалиды. За порядком в очереди следили сами немцы. В длинных километровых вереницах людей никаких разговоров не было, все стояли тихо, опустив головы. Дети держались ручонками за одежду матерей, тихо ожидая своей порции каши или нашего украинского борща.

Наблюдая эту гнетущую картину, я пытался предположить, о чем же думали эти люди. Не сомневаюсь в том, что они проклинали своих вождей, втянувших их семьи в эту кровопролитную войну, и молча благодарили Советский Союз за гуманность, доброту и щедрость его воинов. Так, по крайней мере, мне казалось тогда, глядя на этих изможденных, обездоленных людей. Кормление немецких жителей проходило в течение недели – с 2 мая по 7 мая, затем кухни, продовольствие были переданы населению. Эшелоны с нашими солдатами готовились к походу на восток. В последующие после окончания боевых действий дни и недели мы приводили себя в порядок, ремонтировали технику и с нетерпением ждали возвращения на Родину.

Трудно передать состояние души, чувства, которые я испытывал в тот период. Конечно же, в первую очередь, это огромное счастье, радость, что остался жив, что могу строить планы, мечтать. Это открыло мне огромные возможности и перспективы в совершенствовании воинского мастерства, общения, в решении семейного вопроса. Я много размышлял

о помощи родителям, живущим в далекой сибирской деревне, о воспитании будущих детей патриотами нашей Родины.

Скажу прямо: многие мечты первого послевоенного дня сбылись. Я окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. Сын Игорь стал доктором физико-математических наук, внук Дима имеет два высших образования – инженерное и юридическое, а правнук Амир подрастает, посещая детский сад, радуя меня своими успехами. Я и сегодня в «боевом» строю: являюсь активным членом пресс-центра областного Совета ветеранов, публикую статьи в московских, киевских, харьковских СМИ, часто встречаюсь со школьниками, студентами вузов Харькова.

Подготовила Т. Н. Ена

ВАРЖИК НИНЕЛЬ МИХАЙЛОВНА

Варжик Н. М. родилась 19 января 1930 года. Мама работала заведующей детским садом, папа – начальником территориального управления материальных резервов.

В августе 1941 года вместе с семьей была отправлена в эвакуацию в Челябинскую область, станция Лебяжья, где находилась до декабря 1943 года.

После эвакуации вернулась в Харьков и поступила в женское ремесленное училище № 5, которое закончила отлично.

После войны поступила в техникум Трудовых резервов на факультет электрики. Проработала в академии им. Говорова в качестве старшего лаборанта 10 лет, потом на заводе им. Шевченко, а затем – на радиозаводе. В 1952 году вышла замуж за Варжик Эдуарда Иосифовича, который работал главным энергетиком завода. Воспитала дочь.

ПУСТЬ ЭТОТ ДЕНЬ ОСТАНЕТСЯ ДЛЯ НАС ЕДИНСТВЕННЫМ И НЕПОВТОРИМЫМ

Жили мы дружно и весело. Мама была очень дружелюбным и отзывчивым человеком. И квартира всегда была полна гостей. Очень часто дома устраивались посиделки с друзьями и соседями. Мама была выдумщица на всякие игры, конкурсы и песни.

Когда началась война, нас отправили в эвакуацию, в Челябинскую область, станция Лебяжья. Мама и мы с маленькой сестрой почти месяц ехали в товарном поезде. А жить нам пришлось в бараке. Чтобы зимой нам совсем не замерзнуть, мне пришлось воровать на станции дрова и уголь. Хорошо

помню, как тащила этот мешок, вся чумазая, испуганная, прячась от начальника станции, который постоянно гонял таких, как я, пытающихся выжить. Жили мы впроголодь, но запах хлеба, который пекла мама, до сих пор помню отчетливо.

Как же мы радовались, когда ехали после эвакуации домой! От вокзала до улицы Мельникова шли пешком. И то, что мы видели вокруг, очень ранило мое еще детское сердечко. Разрушенные дома, воронки от бомб. Как же больно было на это

смотреть! Шли и плакали от жалости к своему Харькову.

В 13 лет (1944 год) я поступила в женское ремесленное училище № 5, которое закончила отлично. А практику проходила на 165-м радиозаводе на Конном базаре. Помню, подошел к нам как-то мастер Борис Маркович. Выбрал меня и моих подруг Логвинову Марию и Горбонос Любу и отправил, как самых ответственных, сверлить дырочки в каркасах для подводных лодок. Давали мы с девчонками по две нормы. В газете «Социалистическая Харьковщина» за 1944 год была даже о нас заметка.

Поскольку я жила рядом с училищем, то меня отпускали на ночь домой. И на рассвете 9 мая я была дома. Папа по радио (это была так называемая «тарелка») первый услышал о Победе, закричал, кинулся всех обнимать. Стояли, обнимались и плакали. Где-то кричали соседи, а я забрала пятилетнюю сестру и бросилась бежать в училище. Сестра долго потом вспоминала, что когда мы бежали, навстречу нам попала женщина, почему-то в тужурке, в валенках, видать с дежурства шла. Мы закричали ей, что война закончилась, что пришла

Победа! А она упала на колени и громко рыдала, вытирая слезы рукавом. А мы бежали и все время оглядывались на нее, не понимая, почему она не радуется, а, наоборот, плачет.

Прибежали в общежитие, разбудили сначала сторожа, затем бросились к девчонкам. Все повывскакивали из комнат прямо в ночных рубашках. Директор, Фомовская Елена Яковлевна, еле нас угомонила и предложила идти на площадь.

И вот 300 человек девчонок из училища двинулись к площади. Разве это можно забыть? Гармошка, песни, крики, площадь, полная народу! Все обнимаются, целуются.

А после площади директор училища дала задание – сделать праздничный обед. Мы даже умудрились как-то нарядиться. И были танцы. А когда я пришла домой, первое, что я увидела – это то, что сняли с окон затемнение. Папа сказал, что все, войне конец и темным окнам – тоже конец! Как всегда, все соседи собрались у нас. Было очень шумно и весело.

Очень хочется, чтобы у нас у всех никогда больше не было темных окон, чтобы соседи бегали друг к другу в гости. Чтобы жили только в мире и согласии.

Подготовила И. В. Козицкая

ВАРШАВСКАЯ ЭЛЛА АБРАМОВНА

Варшавская Э. А. родилась 18 августа 1936 года в г. Харькове в семье служащих. Музыкальность проявилась рано: еще не умея говорить, напевала и беспричинно плакала, как оказалось, от минора по радио. С трех с половиной лет подбирала на пианино понравившиеся мелодии. В четыре года в детском саду комиссия по отбору в музыкальную школу г. Ленинграда нашла у Эллы абсолютный слух и рекомендовала в пять лет, не раньше, поступить в эту школу. Но... Отец ушел на войну, а Элла с мамой и бабушкой эвакуировались в г. Красноярск.

В 8 лет Элла пошла в школу в Красноярске, а в начале 1945 года комиссованный после госпиталя отец вызвал семью в Минск, где прожили полтора года. И Сибирь, и Беларусь стали родными для Эллы.

В конце июля 1946 года семья вернулась в Харьков. Здесь Элла пошла в третий класс школы № 35 и в музыкальную школу № 1 им. Бетховена по классу фортепиано и пения. 11-й класс закончила в Харьковской средней специальной музыкальной школе с золотой медалью.

В 1955–1960 гг. училась в Харьковской консерватории на историко-теоретическом факультете. По окончании получила диплом с отличием, рекомендацию в аспирантуру, куда не пыталась поступать из-за антисемитизма, и направление на работу в музыкальное училище г. Запорожья. Там Элла Абрамовна преподавала два года, и поскольку на жилье, даже кооперативное, надежды не было (вычеркнули из очереди «ввиду отсутствия семьи»), уехала домой.

В Харькове устроиться по специальности не удалось, стала концертмейстером в институте искусств, а по совместительству – преподавателем вечернего отделения в педагогическом институте.

С сентября 1963 года Элла Абрамовна работала штатным преподавателем педагогического института на вечернем и заочном отделениях.

С конца 1969 г. в связи с сокращением штата основным местом работы стала музыкально-хоровая школа № 3, а по совместительству – маленькая нагрузка на заочном педфаке педагогического института и в самодеятельности стационара.

С 1975 по январь 2008 года Элла Абрамовна снова работала в педагогическом институте, преподавала теорию и историю музыки, сольфеджио, гармонию, методику музыкального воспитания, руководила педагогической практикой, обучала игре на фортепиано, была куратором групп.

С лета 2003 года является волонтером хеседа (община пенсионеров-евреев), где ведет музыкально-образовательную работу.

ЯРКИЙ СЛЕД ПРОШЛОГО

Трудно говорить о войне. Просто не хочется. С этим периодом моей жизни связано много воспоминаний. Время стирает из памяти любимые лица, но навсегда оставляет в душе след о прошлом, о детстве, хотя и военном, о людях, которые оставались людьми до конца своей жизни.

23 августа 1943 года, когда по радио сообщили об освобождении Харькова, мама послала письмо нашим пожилым соседям. Это супруги Чаплыгины. Он – сын двоюродного брата И. Е. Репина, который в детстве подарил художнику первые краски (до того Репин рисовал карандашами).

В ответном письме три слова: «Эллочку ждет пианино» вызвали у нас слезы. Оказалось, что в начале оккупации они перетащили пианино к себе, чтоб враг не пустил на дрова, сами мерзли, но сберегли.

Тогда же, летом 1943 года, у нас в поселке открыли детсад, и мама отложила на год мое поступление в школу. В нее нас торжественно повели строем, вручив треть карандаша и кусочек бумаги.

Навсегда запомнила прекрасную учительницу – Марию Павловну Данилову – требовательную, но добрейшей души человека. Школа была далеко, зимой добираться по сугробам трудно, а учительницу обычно кто-то из местных довозил на санях, и она, видя наши головы, кричала: «Дети, не волнуйтесь, если опоздаете, я вас пушу».

В начале 1945 года комиссованный после госпиталя отец вызвал нас в Минск. Ехали до Москвы в одном вагоне с только что окончившими военное училище офицерами, которые направлялись на фронт. Я что-то напевала, любила песни тех лет, а в паузах не могла оторвать глаз от новеньких мундиров с золотыми погонами.

В конце пути эти юноши попросили меня спеть песню «Огонек». Я запела, не зная и не понимая их восприимчивости: они-то знали, что едут на войну. Это был ускоренный выпуск отчаянно бесстрашных сибиряков. Один из них, наверное, командир, подхватил меня, поднял над собой (а я была до 9-го класса маленькой, последней в строю) и растроганно сказал: «Малышка, пой всегда, пой везде, а если мы не вернемся, пой за нас».

Этих слов я не слушала, любуясь сверху погонами. Мама их повторяла мне в юности.

В ночь с 8 на 9 мая Левитан огласил победу – и началось безумие. Все дома опустели. В нашем переулке – радостные крики, объятия, слезы сквозь смех. Нас, детей, подбрасывают чужие руки, прижимают к себе, целуют. Незабываемо!!! Радости не было конца. Я гордилась Родиной, армией, партизанами, чьи дети были моими друзьями.

Поскольку часть моей жизни прошла в Белоруссии,

хорошо знаю, какой большой вклад внесла эта республика в победу.

Мы, детвора, 9 мая решили привычную игру «Иванов и фрицы» заменить походом к настоящим фрицам – пленным немцам-строителям. Нам было очень интересно посмотреть на их лица, на их реакцию о капитуляции Германии. Каково же было наше удивление, когда они нам дружно кричали: «Гитлер капут! Победа!»

Уже потом мы поняли их такую реакцию: они радовались, надеясь на скорое возвращение в Германию.

День Победы – это потрясающее родство души, это, в отличие от ночной радости в слезах, ослепительный блеск в глазах, яркие наряды, зажигательные пляски, частушки и лирические песни под баян, например:

*Чаму ж мене не пець,
Чаму ж не гудзець,
Калі ў мойй хатачцы
Парадок ідзець.*

9 мая 1945 года – самый счастливый день в жизни моего поколения. Ведь такое долгожданное счастье выстрадано, оплакано и оплачено миллионами людей!

Из самого сердца льются слова написанного мной стихотворения. Я хочу вам их подарить:

*Он начался ночным салютом
Под утро – краткий, легкий сон, –
И снова улиц многолюдье,
Улыбки, шутки, песен звон.
Безумный день! Страна ликует,
Весна цветет, прекрасен солнца дар...
День первый мира. Торжествую,
В душе остался навсегда...*

Подготовили: Г. В. Крымская, Лиза Голота

ГНЕДКО ТАМАРА СИДОРОВНА

Гнедко Т. С. родилась 21 июля 1938 г. в пос. Новая Водолага Харьковской области. После окончания Ново-Водолажской школы поступила на заочное отделение Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. Работала в школах Харьковской области в селах Федоровка, Винники, Рябухино. Преподавала русский язык и литературу, немецкий язык. В 1967 г. перевелась на стационар ХГУ и закончила университет, продолжая работать до 2008 года уже в школах г. Харькова – СШ № 8, СШ № 165, в Еврейской школе. Стаж работы учителя-методиста Гнедко Т. С. – 50 лет.

ГОЛОВНЕ СВЯТО МОГО ДИТИНСТВА

День Перемоги в моє дитинство увійшов чарівною подією, що була невід’ємною від усієї навколишньої природи.

Ще затемно був перший грім на ліс, що весь спалахнув після дощу зеленим сяйвом...

Пам’ятаю, матуся тривожно промовила: «Спи, дитино, це перший грім весни...» До цього, кожного разу, чуючи вибухи чи постріли, ми покидали свою домівку і намагалися бути разом з усіма, чомусь, як твердила моя матуся, помирати на людях завжди легше.

Сонце щойно зійшло і швидко підіймалося над лісом. «Катюші» безперервно грали, десятки батарей били одночасно. Чахкаючі удари мінометів, лунки їх постріли губилися у важкому позіханні фортечних гармат-велетнів. Здавалося, що сама земля звільняється від суцільного залізного шуму війни...

А навколо все було у весняному квітінні...

Я спала і бачила видіння: низькоросла хата крита очеретом, накошеним у дніпровських плавнях. Під вікнами пломеніють маки, куститься любисток і синіє м'ята, яка зовсім не пахне, поки її не тронеш.

У кожного свої сни і спогади. Мої все частіше вели в рідні місця. Чомусь саме тоді була незвичайна весна. Таке в природі буває дуже рідко. Навкруги все раділо, адже сьогодні День Перемоги, хіба ж може бути інакше. Всі пахощі квітів, уся навколишня краса Землі – тобі, Людино-переможцю. Всі були радісні, сяяли очі, посміхалися губи, дзвеніли пісні, вигравала солдатська гармошка. Це було неповторне свято радості усіх людей. Радість переповнювала груди, і лунали вигуки: «Перемога! Війна закінчилась... Будьмо здорові, щасливі на оновленій рідній землі!»

І раптом серед радощів і поцілунків дівчинка 12–14 років хапає «за петельки» іншу, яка набагато менша від неї, з криком: «Ах ти, стерво, ... – і з усієї сили кидає об асфальт, – твій батько повернувся з війни, а мій загинув...». Втрутилися дорослі, підняли постраждалу, втихомирили нападаючу...

Коли смеркло, у небо злетіла ракета, за нею інші, розсипались різнокольоровим дощем. І зразу ж закружляли вогняні райдуги, загриміла канонада: зачастили різкі постріли і далекі вибухи, перекреслюючи вечірне небо гірляндами різнокольорового феєрверка. ...Десь заплакала жалібно скрипка, поступово заридала, хтось виливав свою тугу за тих, кого вже ніколи не буде серед живих...Тоді нам всім після жорстокої війни хотілося вірити в те, що це були останні постріли на землі.

Що ж, тоді можна було зрозуміти тих, хто чекав кінця війни, і самих переможців, у той радісний час ми всі дійсно забули, що планета заплутана в протиріччях, адже ще буде Хіросіма і Нагасакі...

Підготувала Т. Н. Ена

ГОРЮН ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА

Горюн (Медякова) В. И. родилась 18 октября 1938 года в семье служащего в с. Александровка Оренбургской области. Мать, Евдокия Григорьевна, – учитель химии и биологии, а отец, Иван Данилович, – главный инженер на машинно-тракторной станции в с. Александровка.

В 1941 году отец был призван в ряды Советской Армии, вначале для прохождения переподготовки в авиационном училище, а затем был отправлен на фронт. Валентина с мамой и сестрой Риммой (1940 г. р.) переехали жить к бабушке в с. Покровка

Оренбургской области.

В 1942 году родилась сестра Нина, а в 1947 г. семья переехала в г. Харьков к месту службы отца. Спустя два года родился брат Валерий.

В 1955 г. окончила 10 классов школы № 136 г. Харькова и осталась работать пионервожатой.

1962–1967 гг. – учитель начальных классов.

1967–1973 гг. – организатор внеклассной и внешкольной работы школы № 18.

1973–1981 гг. – заместитель директора по учебно-воспитательной работе школы № 18.

1981–1985 гг. – директор школы № 57.

1985–1998 гг. – начальник районного отдела образования.

Окончила Харьковский пединститут (факультет начальных классов), Харьковский университет (геолого-географический факультет).

С 1998 года – пенсионер.

Муж, Горюн Виталий Павлович, работал директором Харьковского областного дворца пионеров. Он – заслуженный учитель Украины. Умер в 1977 году.

Сын, Горюн Александр Витальевич, 1960 года рождения, окончил 3 курса железнодорожного института, перешел

в Харьковский мединститут. Врач-хирург, мастер спорта СССР Международного класса, участник олимпиады 1980 г. в Москве. Десять лет был членом сборной СССР. Чемпион Украины и СССР. Умер в 2008 г.

Валентина Ивановна – заслуженный работник народного образования Украины. Имеет награды: значок министерства образования СССР «Отличник образования СССР», значок министерства образования УССР «Отличник народного образования УССР», грамоты министерства образования СССР, УССР, ЦК ВЛКСМ, медаль Макаренко, медаль «За доблестный труд», медаль «Ветеран труда».

Избиралась председателем Ленинского райкома профсоюзов. Депутат четырех созывов Ленинского района г. Харькова.

У КАЖДОГО СВОЙ СЧЕТ К ВОЙНЕ

День Победы – этот день выше всякой славы, достойней всех похвал!

Сколько песен спето, сколько картин украшают музеи мира, сколько памятников неуязвимой воинской славы покрыты цветами и озарены вечным огнем, светом благодарной памяти человечества. Пусть всегда в этот день, в эти радостные мгновения звучит бессмертная скрипка Страдивари, песня «День Победы» и Героическая симфония Бетховена.

День Победы – это великий подвиг во имя жизни. Подсчитано, что при совершении подвига на человека действует 250 факторов. Сколько же факторов действовало, чтобы одержать победу? Чтобы потом золотыми буквами этот день вписать в историю? Только 35 тысяч детей до 14 лет награждены боевыми орденами и медалями, сотни награждены медалью «Партизан Великой Отечественной войны», пятеро удостоены высшей награды страны «Герой Советского Союза».

Отложив свои мечты и книжки, ушли на смертный бой простые наши славные мальчишки. Они дошли до рейхстага – сыны полков своей страны.

А чего стоило только одно фронтовое письмо? Ни один гений мира до сих пор не создал ничего более яркого, чем просто письмо родного человека с фронта. Как ждали такие письма! Каждое слово тех писем превращалось в сияние глаз, счастливую улыбку, объемное звучание голоса. Все они заканчивались словами: «Жди меня, и я вернусь... только очень жди!»

Каждый дом ожидал весть от своего солдата и очень ждал его возвращения. И только через 1418 дней и ночей по всей огромной стране прозвучал знакомый голос Левитана о победоносном завершении самой страшной, самой чудовищной войны за всю историю. Радость была велика, но рядом, словно тень, была боль утраты родных и близких. Время не имеет власти над величием всего, что люди пережили на войне. Это незабываемое время.

Когда Пифагор открыл свою знаменитую теорему, боги сказали: «Мы можем подарить тебе все, кроме бессмертия». Он ответил: «Оставьте мне память». Память – величайший дар природы.

Каким же в моей памяти, памяти шестилетней девочки, запомнился первый день мира, День Победы?

Это был теплый майский день, цвела сирень, тюльпаны, ярко светило солнце, пели птицы. Стояла чудная погода, солнце отражалось в сияющих глазах людей. Соседка Полина вбежала к нам во двор с криками: «Победа! Победа! Победа!.. Люди, кончилась война!» Она продолжала дальше нести радостную весть по селу.

Народ стал собираться на площади возле школы. Все целовались, обнимались, плакали. Люди находились в состоянии невесомости от счастья. Дети бегали, повторяли: «Победа! А значит, мой папа придет!»

Одна женщина принесла в платочке конфеты-подушечки, раздавала и просила помянуть мужа, который погиб неделю назад. Услышав ее, люди просто замерли, отдавая земной поклон

нашему земляку. Наступила минута молчания, которую никто не объявлял. Было принято решение: вынести столы из школы и, по доброй славянской традиции, в честь Победы и в память погибших односельчан накрыть общий стол, разжечь костер. На стол несли все, что было. Мама напекла блинов, часть мы съели, остальные отнесла на общий стол. Это были блины для царского стола, из белой муки, на молоке. Очень вкусные, ничего подобного до этого я не ела. Мама бережно хранила мешочек с белой мукой на случай внезапного приезда папы. Он так и назывался «Папин мешочек». Иногда я спрашивала у мамы: «А может мука испортиться?» В надежде, что из нее что-то приготовят поесть. Есть постоянно хотелось.

На общем столе стояли полевые цветы, сирень. Недалеко горел костер. Вокруг него дети читали стихи, пели песни. Было очень уютно. Вспоминали уже минувшее страшное время.

Римма, Нина, Валя. 1945 г.

Всю войну мы с мамой, бабушкой и двумя младшими сестричками жили в селе недалеко от Оренбурга. Это был не фронт, но я видела войну в одном из страшных ее обликов. Там не было войны, но она чувствовалась совсем рядом. Что такое война? Слишком много... похороны, голод, болезни, страх, ужас, слезы матерей, жен, невест.

Моя сестра Римма переболела семь раз воспалением легких. Сестра Нина из-за хронической болезни ушей перенесла трепанацию черепа и осталась

глухой. Бабушка совсем ослепла, а мама в возрасте 37 лет умерла в 1949 году. В день ее смерти моему брату исполнился 1 год, и он совсем не помнил потом нашу маму.

Я хорошо помню, как мама приходила усталая из школы, она работала учителем биологии и химии. И дрожащим голосом говорила: «Дети, у нас опять нет ничего на ужин. Давайте поцелуемся и ляжем спать». Так «ужинали» многие дети войны.

Всю войну в селе не было ни единого мужчины, все ушли на фронт. Всем хотелось, чтобы в село вернулись победители, но возвратилось только четверо. Остальные остались лежать в земле у незнакомых поселков, на безымянных высотах.

Сознание горечи и утраты дорогих людей наводило в тот вечер грусть и печаль. Ведь у каждого из них был свой счет к войне. Кто-то из родных погиб за родину в начале войны, а кто-то в ее последний день. Кто-то умер от ран, холода, голода, болезни.

Все они уходили на фронт известными, но порой становились неизвестными, как Тимофей, племянник моей бабушки. Рядом с нами жила бабушкина сестра Мариша. Тимофей – единственный ее сын. В начале войны погиб ее муж, а чуть позже пришло извещение, что сын Тимофей без вести пропал. Ему было 20 лет. Он прекрасно рисовал, играл на гармонии. Мечтал стать художником и написать портрет мамы. Она была просто иконой красоты.

Как она его ждала! Как верила, что он вернется! Но так и не дождалась. Единственным утешением после войны был переезд к сестре в Москву, где она могла приносить цветы к памятнику Неизвестному солдату. Когда открыли этот памятник, она написала в письме: «Наконец-то я нашла могилу сына».

Многое вспомнилось в этот незабываемый вечер. Вспомнили, как вязали рукавицы и носки, шили кисеты, вышивали платочки, писали каллиграфическим почерком письма, потом приносили в школу, складывали в коробки и отправляли на фронт.

В адрес школы приходили ответные письма. В школу приносили письма от родных с фронта. Это было раз в неделю. В зале строились классы, директор школы зачитывал письма перед всеми учениками. Дети очень гордились. Были и печальные вести. Фотографии погибших помещали на стенде.

В селе знали друг о друге все, жили одной дружной, большой семьей, помогали тем, кто особо нуждался. На всех была одна радость и одна беда. Все, что было пережито, что досталось такой ценой, рождало во мне, да и у всех людей, чувство гордости, истинного патриотизма, глубочайшего уважения к людям, которые отдали свою единственную жизнь во имя других.

Из всех моих родственников с войны вернулся только отец с обмороженными ногами. Всю жизнь на носках у него были пятна от крови, лопались мелкие омертвевшие сосуды.

Совершенно необъяснимо, почему слово «патриотизм» с некоторых времен стесняются произносить и придают ему какой-то сомнительный оттенок. Я побывала в 50 странах мира, и нет такого народа, такой страны, в которой бы с особым благоговением не поминали своих достойных сынов и дочерей в грозные дни испытаний. Их именами названы города, площади, звезды.

На могиле Анатоля Франса Эмиль Золя сказал: «Позавидуем ему, он спасал честь и достоинство своей Родины, его судьба и щедрое сердце позволяют причислить его к самым славным и достойным».

Наша жизнь слишком коротка, всего лишь миг относительно времени Вселенной. Осознайте краткость бытия! Отдайте все лучшее, чем наградила вас природа! Помните, всегда лучше отдать, чем взять. Несите свет и красоту, ясность и мудрость в нашу сегодняшнюю жизнь, как это было задумано Великой Природой.

Подготовили: Г. В. Крымская, Настя Величко

ДУШИНА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА

Душина Л. Н. родилась в 1937 году в г. Днепропетровске. В годы оккупации с мамой и тремя братьями жила в селе Николаевка Днепропетровской области. С 1946 по 1950 г. вместе со старшим братом воспитывалась в детском доме. Закончила семь классов железнодорожной школы на станции Верхнеднепровск и в возрасте 16 лет пошла работать. 10-й класс закончила в вечерней школе рабочей молодежи уже в 60-е годы. С 1955 г. живет в Харькове. Работала в экспедициях от института Укргидропроект. В 1959 г. вышла замуж.

Муж – геодезист-топограф умер в 1989 г. Имеет двоих детей, внуков и правнуков.

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Ранней весной 1945 года на нашей железнодорожной станции, в здании бывшей школы, находился военный госпиталь. Мы, дети, часто бегали в госпиталь к раненым бойцам, помогали им одеться, обуться, выйти на улицу погреться на солнышке. У многих раненых были бинты на руках, ногах, на голове и т. д., и бинты были серыми от вшей. Мы помогали солдатам избавиться от этой неприятности, а они часто угощали нас кусочками сахара.

Хотя мне было совсем мало лет, но годы войны и особенно оккупации помню достаточно хорошо как страшные, тревожные, голодные и холодные. Помню всегда озабоченные, измученные глаза мамы, ее постоянные попытки хоть как-то нас обогреть, хоть чем-то покормить, любой ценой защитить от фашистов.

Послевоенные годы тоже оставили в памяти не самый светлый след. Было уже не так опасно и страшно, но голодными

мы были еще долго, и крыши своей над головой у нас не было – жили в землянке. Но в этой трудной череде лет по-особому выделяется яркая, теплая, звенящая весна 1945 года.

И вот 9 Мая 1945 года. Обычный день, совсем теплый и сухой, без дождя. Мы, ребятишки, бегали по улице, играли в свои игры, и я отчетливо вижу даже сейчас – где-то уже после обеда, часа в три, по улице крича и смеясь, размахивая цветастым платком, бежала женщина. Жители села

стали выбегать на улицу. Кричали: «Победа! Ура!». Женщина объясняла всем, чтоб шли на митинг к военному госпиталю. Когда мы всей семьей прибежали туда, там уже молодой мужчина, без одной ноги, сообщал о том, что войне конец, мы разбили врага и одержали победу. Он говорил громко, без микрофона, и все слушали его, затаив дыхание. Потом все аплодировали, кричали: «Ура! Победа!», смеялись и плакали. Среди людей, находившихся на митинге, почти не было мужчин. В основном, это были старенькие дедушки, бабушки и женщины с детьми. Мужчины и молодые ребята еще не вернулись с войны, а многим не суждено было вернуться никогда. Люди после митинга долго не расходились. Разговаривали все громко, обнимались и до хрипоты кричали: «Победа!». Расходиться стали только тогда, когда начало темнеть. Мы, ребятишки, бегали, скакали, визжали от радости. Дома к нам во двор пришли две или три соседки с детьми. Нас было много, полный двор. Посреди двора из кирпичей сделали подставки, разожгли огонь и поставили ведро с картошкой. Сваренную картошку, принесенную всеми, заправили зеленым луком и укропом.

Немножко картофельной юшки разлили по большим мискам, расселись просто на земле и дружно начали есть. Это была самая вкусная еда за все годы войны. Первый раз за 5 лет мы наелись. Это был праздник. Это был День Победы.

Мы сидели долго-долго. Взрослые рассказывали о том, как мы теперь начнем хорошо жить, как построим всем хорошее жилье, будем выращивать зерно, а хлеба и картошки будет вдоволь, и все будут сыты и счастливы. Мы мечтали о том, как вернуться наши солдаты с войны, отстроят все то, что разрушено, и будем мы жить мирно и дружно. В этот вечер я спокойно уснула, зная, что наши победили и наступил День Победы. Новый день! Новая замечательная жизнь!

Меня и моего старшего брата взяли в детский дом. В детском доме нас кормили 3 раза в день, и хлеб давали утром, в обед и вечером по 100 грамм. Это было настоящее счастье. Но мы помнили, что у мамы были наши младшие братья, и мы съедали только одну порцию хлеба, а вторую оставляли и прятали, чтоб потом отдать братьям.

Тот хлеб, который мы отдавали братьям, для них был самый лучший деликатес. Нам часто в детском доме воспитатели говорили, в голодные годы, что вот наступит такой день, когда нам на столы поставят красивые вазы, полные хлеба. И этого хлеба будет очень много. Мы в это верили, а потом через много лет этот день действительно настал.

И вот, спустя 69 лет, я до сих пор помню ту вкуснейшую картошку и хлеб – много хлеба, разложенного на тарелки. Помню те лица детей и матерей – зареванные, испачканные, смеющиеся и плачущие. Этот день остался в моей памяти на всю жизнь. Каждый год 9 Мая собираются воспитанники нашего детского дома, чтобы вспомнить свое детство, опаленное войной.

*Подготовили: Е. В. Белоусова, В. И. Галака,
Ева Луценко*

ЕЛЕТИН ПЕТР ПЕТРОВИЧ

Елетин П. П. родился 3 апреля 1941 года в Воронежской области Павловского района в поселке Максимово, что на Среднем Дону.

Отец – русский, участник Великой Отечественной войны. Проработал всю жизнь в сельской местности на должностях секретаря райкома партии, директора машинно-тракторной станции, председателя колхоза, председателя сельпо.

Мать – украинка, машинистка колхоза,

затем – постоянно болела, умерла рано.

В 1958 году закончил десятилетку и поступил в Киевское танково-техническое училище. После его окончания был избран на комсомольскую работу. В 1968 году участвовал в чехословацких событиях, затем – шестилетняя служба в Группе Советских войск в Германии.

Член КПСС с 1959 года (всего 30 лет стажа).

В дальнейшем служил на партийно-политических должностях до развала СССР.

Принимал участие в оказании интернациональной помощи в Афганистане, во Вьетнаме.

Окончил Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, а затем Московскую военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

Работал в двух военных училищах преподавателем общественных дисциплин. Уволился с Дальнего Востока с должности зам. начальника кафедры. Прошел специализацию по философии на высших академических курсах при военно-политической академии.

Ветеран Вооруженных Сил СССР и нынешней Украины. Участник боевых действий, имеет статус «Рожденный в годы Великой Отечественной войны». Полковник в отставке.

Государственные награды: медали «Защитнику Отечества», «Ветеран Вооруженных Сил», «За боевые заслуги»; ордена «Боевого Красного Знамени», «За службу Родине».

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ МИР

Я, профессиональный военный, как никто другой знаю цену миру и очень дорожу им. Оглядываясь назад, оцениваю все пройденное как неизбежное, обязательное. Не могу не согласиться со словами Николая Островского: «Жизнь дается человеку только один раз, и прожить ее нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое».

Когда-то и сегодняшний день станет историей. И, наверное, кому-то будет стыдно за развязывание новой войны, за убийство детей в зоне боевых действий на Донбассе. Сегодня над нашим Харьковом мирное небо и так хочется,

чтобы мирным оно было всегда. Годы стирают из памяти страницы военного детства, но забыть их нельзя.

Я помню, как отец пришел с фронта в 1947 году, как нам с мамой и братом очень не хватало его, сколько бед мы перенесли. Помню, как в тракторной бригаде пообещали трактористам по 200 граммов хлеба. Мы, дети, каждый день ждали матерей с пайками. И только через неделю увидели первый послевоенный хлеб. Паечек был граммов 70. А если и пекли хлеб, то с примесью желудей (в основном), лебеды и клевера.

Днем мать на работе, а ночью – с соседями, закутав нас, пацанов, в ветхие одежки, выводила к стогу прошлогоднего

ячменя, закапывала в солому, а сама перетирала руками промерзшие снопы и таким способом добывала зернышки ячменя. А утром мы ели ячменные лепешки и какое-то колючее во рту варево.

Естественно, когда вернулся с войны отец, мы стали жить лучше.

Так почему сегодня дети тоже остаются без отцов, почему становятся сиротами?

Это тогда, во время Великой Отечественной войны, Украина потеряла каждого пятого, Беларусь – каждого третьего, а Россия – каждого восьмого своего гражданина.

Та война была с фашизмом – страшным явлением XX века. Кому нужны новые жертвы, новая война?

Став подростком, я мечтал о военной карьере, стремился к ней, много учился. Когда я стал военным, из важных документов узнал, что основные операции по уничтожению фашистской Германии начались с апреля 1945 года. Столица Берлин была взята за 9 дней. 21 апреля наши войска ворвались на окраины города, а 30 апреля вечером над зданием рейхстага было водружено Красное знамя.

Советские войны так умело и старательно били гитлеровцев в их столице, что наконец-то спесивые фашистские генералы запросили пощады.

1 мая на командный пункт одной из армий прибыл начальник Генерального штаба сухопутных войск, он сообщил о самоубийстве Гитлера и вручил письмо Советскому Верховному Командованию. Именно с этого дня начались переговоры о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

В начале первого часа ночи 9 мая 1945 года был подписан «Акт о военной капитуляции германских вооруженных сил».

Страна ликовала. Народы Европы наконец-то вздохнули свободно. Салютовала победителям Москва. Было всеобщее счастье победы.

В это время мне шел пятый год, а моему брату –

пятнадцатый. Конечно, я до конца не понимал всего, что происходит, но точно помню, что ждал отца. А до того момента я его никогда не видел.

Помню, смотрим мы с братом из-под ладоней рук в небо против солнца. Над нами летят звездокрылые самолеты. «Это наши», – говорит брат. Если раньше, заслышав гул самолета, мы, дети, прятались в сараи или овраги, то теперь, наоборот, мы поднимались на пригорки, залазили на деревья, сараи, размахивали кепками, платками и кричали: «Это наши!» В небе летели самолеты. Они плыли и плыли. Старшие ребята говорили: «На Москву!» Как потом нам стало известно, они действительно летели на Москву для участия в Параде Победы. Тогда мы с братом впервые увидели огромные самолеты – бомбардировщики (четырёхмоторные), юркие ИЛы, тихоходные ЛА-вочкины, быстрые ЯКи... Наши сердца переполнялись гордостью за нашу армию-победительницу. Мы и себя причисляли к победителям.

Тогда мы все хотели стать летчиками. Помню, нам тогда не хотелось ни конфет, ни пряников. Нам хотелось, чтобы каждый день над нами проплывала армада краснозвездных советских самолетов, а не тупорылых, с черными крестами, с душераздирающим воем фашистских стервятников.

Трудным было послевоенное детство, но счастливым, потому что вернулся с войны мой отец. Мать – трактористка. Я очень гордился своими родителями, а они очень любили нас с братом.

А разве может быть иначе?

Конечно, нет!

Дети должны быть счастливыми, они должны иметь и маму, и отца.

Родители не должны бросать своих детей и уходить на фронт, хотя, конечно, если потребуется, они это сделают во имя мирного неба над головами своих детей.

Подготовили: Г. В. Крымская, В. А. Коршунова

ЗИНКЕВИЧ СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

Зинкевич С. В. родилась 1 февраля 1940 года в г. Харькове. С 1940 по 1946 г. жила в эвакуации в г. Красноярске. В 1963 году окончила Харьковский медицинский институт. Работала в Винницкой области, по окончании клинической ординатуры в 1968 г. – младшим научным сотрудником в Институте Охраны Здоровья Детей и Подростков в Харькове. С 1972 по 1976 жила и работала в Подмосковьи. В 1976 г. вернулась в Харьков, где и проживает до настоящего времени. За эти годы

заведовала отделением в 13-й детской и 23-й детской поликлиниках. С 1995 года в должности врача-педиатра работает в ХГУ «НУА».

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Мое военное детство прошло в эвакуации. Отец был военным летчиком, и он как преподаватель летного училища, которое находилось на месте современного Роганского жилого массива, был вместе с семьей эвакуирован в Сибирь, в город Красноярск. Его военная служба заключалась в том, чтобы в максимально короткие сроки – до трех месяцев – подготовить летчиков для боевых действий на фронте. Условия обучения боевого летного состава были невероятно тяжелые: мороз до 50 градусов, кабина самолета практически открытая, экипировка летчиков состояла из мехового комбинезона, унтов (типа валенок на меху), меховой маски, шлема, рукавиц. Полеты проходили в любое время суток.

С. В. Зинкевич, 5 лет

По особому заданию отец летал на передовую, участвовал в перегоне из США американских самолетов, доставлял их на фронт.

В Сибири мы прожили до 1946 года. В памяти сохранились воспоминания тех лет. Игрушки были самодельные: куклы шили из тряпочек, мебель для них делали из картона, альбом для рисования папа сделал из ненужных летних карт. Иногда он приносил мне кусочек сахара-рафинада из офицерской столовой, говорил, что это зайчик передал. Что такое конфеты, мы не знали.

Жили вместе с другими офицерскими семьями в трехэтажном доме, стены которого были толщиной около метра. Строили такие дома еще во время гражданской войны, при адмирале царской армии Колчаке. Наша семья занимала одну комнату, которая отапливалась каменной печкой. Топили ее дровами из лиственницы – это очень твердая порода дерева. Родители сами и пилили, и рубили эти деревья. Чтобы не замерзнуть в суровые сибирские зимы, огонь в печи приходилось поддерживать постоянно.

Часто мама ездила на менку – меняла кое-какие вещи на продукты, картошку. С другими женщинами – женами офицеров они плавали на попутной барже по Енисею в прилегающие села. Тогда меня оставляли в детском саду на круглые сутки, где с потолка почему-то капала вода мне прямо в постель.

Однажды кто-то из летчиков летал в командировку в Узбекистан, в город Ташкент, и привез оттуда большие красные яблоки. Он угостил ими всех детей. Когда мне принесли яблоко, то я не знала, что с ним делать, думала, это игрушка.

Когда окончилась война, мне исполнилось 5 лет. Кто сказал

долгожданное слово «Победа» не помню, но помню, что все люди от старого до малого бежали в центр на площадь. Там были слышны радостные крики, все обнимались, целовались. Чувствовалась атмосфера праздника. Меня почему-то носили на руках, крепко обнимали и смеялись. Все говорили о скором возвращении из Сибири домой, в Харьков.

Но возвращались мы в Харьков после войны в июне 1946 года. Ехали в товарных вагонах. Помню, когда поезд шел на большой скорости, то вагон гремел, шатался во все стороны, казалось, что он развалится на ходу. Мужчины сбивали его изнутри чем придется. В комнате у нас еще долго висел карниз для гардины с большими дырками от гвоздей, которыми его прибивали в вагоне.

Поселили нас в тот же военный городок под Харьковом, из которого мы уехали в 1941-м году. Помню, что меня поразило тогда, так это разнообразие полевых цветов. В Сибири мы их не видели.

Жилых домов осталось мало, стояли в основном «скелеты» зданий, мы, дети, называли их разбитиками. Свой быт устраивали сами, помогая друг другу. Жили все с подселением, туалеты не работали, отопление тоже, электричество часто отключалось. Но настроение у взрослых было хорошее, все были дружелюбными, часто собирались вместе, пели песни.

В 1947 году я пошла в школу, под которую приспособили половину казармы. Дети сидели за партами по три человека. Тетради и учебники мама мне покупала или выменивала на «барахолке» – вещевом рынке. Школьной формы тогда не было, одевали и обували, что у кого было. На это мало обращали внимания. В школу мы ходили с удовольствием, но особенно интересно было после уроков. Сколько я себя помню, в школе всегда был хор, драматический кружок, танцевальный, спортивные секции.

Каждый праздник мы выступали с концертами в своем Доме Офицеров. Костюмы шили из чего придется, а если девочки

были в роли снежинок, пушинок, то их мамы мастерили «пачки» из марли. На Новый год игрушки на елку делали в основном сами, вешали конфеты, орехи в фольге, яблоки, мандарины – это уже была сказка.

Очень много времени – казалось, мы отогревались после сибирских морозов, – проводили на улице: игры в «классики», скакалки, казаки-разбойники, «штандер» – игра в мяч, выигрывает тот, кто поймает высоко подброшенный мяч, разрывные цепи, ручеек, садовник. Дома дети только спали, ели, делали уроки.

Позднее, когда появился телевизор, мы дружно ходили смотреть его в те семьи, где он уже был. И хотя в комнате с трудом все помещались и пришедшие шумели, но нам было весело и интересно. Кинофильмы для детей показывали лишь в воскресенье днем. Взрослые собирались у телевизора вечером в 18:00 и 20:00.

В самом военном городе было три братских могилы, к которым школьники в День Победы возлагали венки и цветы, а солдаты из винтовок отдавали павшим салют.

Из прилегающих поселков – Рогань, Пятихатки – почти все дети, ходившие в нашу 85-ю школу, остались без отцов.

В послевоенные годы война часто напоминала о себе: дети часто подрывались на минах и снарядах, которых было очень много в окрестностях, а мальчикам, разумеется, любопытно было их исследовать.

Очень трудное было время, но детство есть детство и оно остается светлым периодом жизни, а еще и потому, что моральные ценности считались в те годы значительно выше материальных благ.

Подготовила Т. Н. Ена

ИВАШКО ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА

Ивашко Л. В. родилась 25 августа 1932 года в Харькове. Родители: Розанов Василий Ильич – инженер-строитель, Розанова Ольга Валерьяновна – домохозяйка.

Детство было спокойным и безмятежным до 1941 г. В 1940 г. пошла в 1-й класс 38-й школы, но учиться во 2-м классе помешала война. Пробовала ходить в школу в селе Опошня, где в одном классе сидели дети 1-го и 3-го года обучения,

а в другом – 2-го и 4-го.

В октябре 1943 г. вернулась в Харьков, где в 1951 году успешно окончила школу № 116 и сразу поступила в Харьковский горный институт. Вышла замуж за своего однокурсника. В 1956 г. получила диплом горного инженера, имея на руках маленького сына. В 1957 г. начала работать в ГИПРОКОКСе: занималась проектированием углеобогачительных фабрик при коксохим-заводах всего Советского Союза.

В 1974 г. перешла на работу в Харьковский текстильный техникум и 13 лет учила там детей черчению. В 1987 г. вышла на пенсию по возрасту, но это не единственная причина ухода с работы. Ивашко Владимир Антонович, муж Л. В. Ивашко, в 1986 г. был направлен на работу в Киев, в 1987 г. переведен в Днепропетровск, в 1988 г. – снова в Киев, а в июне 1990 г. – в Москву. За пять лет они вдвоем переезжали из города в город 4 раза. Все это время сын со своей семьей оставались в Харькове, куда она вернулась из Москвы после смерти мужа. Он умер в ноябре 1994 г. Сердце выработало свой запас прочности и остановилось. Видимо, и Чернобыль, и Афганистан, где он проработал полгода, укоротили его жизнь.

Сейчас живет в Харькове, имеет двоих правнуков и внучку.

НАМ И НАШИМ ВНУКАМ НУЖЕН МИР

Мы все ждали этого дня. Вот каким помню его я.

Ночью разбудили настойчивые звонки в дверь. «Война закончилась! Победа!» – это соседи, услышав по радио сообщение о капитуляции Германии, хотят первыми поделиться радостью со всеми, живущими в подъезде, и зовут вместе идти на площадь. С мамой и сестрой Ниной быстро одеваемся и выбегаем на улицу. Человеческое море заполонило Сумскую и движется к площади Дзержинского. Смех, шутки, объятия незнакомых людей, слезы радости.

Люди ликуют: это – НАША ПОБЕДА! И даже мы – дети – чувствуем свою причастность к этому Великому событию. А на площади светят прожекторы, музыка, песни, улыбки на лицах людей, долгие годы ждавших этого мгновения. Мне идет тринадцатый год, и я понимаю, что не будет больше тех страшных дней и ночей, которые пришлось пережить, не будет больше похоронок, тоскливых детских глаз и жутких слов: «Мой папа погиб...», а будет только много солнца и много счастья.

* * *

Война застала нашу семью в маленьком селе Христофоровка, где папа руководил строительством плотины. У папы сама мирная профессия (он – инженер-строитель) и очень активная жизненная позиция – желание работать на больших промышленных стройках страны. Уже в его биографии Мариупольский и Керченский металлургические заводы, углеобогатительная фабрика в городе Шахты, Орский завод по производству никеля и вот теперь плотина в Днепропетровской области. Но война строительство останавливает, и в первых числах июля 1941 года папа отправляет маму с двумя детьми (мне 9 лет, сестре Нине – 14 лет) в Харьков, а сам добровольно идет на фронт. Узнали мы, что его возраст был непризывной, только в августе 1945-го, когда он вернулся домой и сам рассказал об этом своем решении.

Ляля Розанова с мамой.
Весна 1945 г.

В сентябре 1941-го в Харькове вошли немцы, и мы оказались в оккупации. В нашем доме и большом зеленом дворе разместились механизированная воинская часть: солдаты расставили по квартирам, к нам поселили офицера из-за условий безопасности (1-й этаж безопаснее при бомбежках). Немцы дви-

гались осенью быстро, эта часть ушла, прибыла новая, и у нас на постое семь солдат. Пьют, гадят, выскивают и находят в квартире все, что, по их мнению, может пригодиться в их хозяйстве в Германии, запечатывают в посылки и отправляют домой. Уехала на Запад даже мамина бельевая веревка – больше уже брать было нечего.

Пришла суровая зима 1941–1942 гг., а с ней – холод и настоящий голод. Утром мама выносила на базар какую-нибудь свою одежду (платье, кофту) и на листочке бумаги, вырванном из книги, приносила горсть очисток мерзлой сине-черной картошки. Замешивала их с ложкой муки и пекла оладьи – это была наша еда на весь день. Каждый новый день был похож на предыдущий, но вскоре выносить из дома стало нечего.

На семейном совете решили, что нужно выходить из холодного и голодного города в село, там прожить будет легче. Моя старшая сестра Нина идти в село не хочет, боится, что там мы – пришлые чужие люди, и она будет первая, на кого падет выбор старосты при отправке в Германию. Решили, что пойдём мы с мамой, а сестра (с тетей Верой, папиной сестрой) останется в Харькове. Выбрали пункт назначения – Опольно Полтавской области; туда раньше нас ушла мамина сестра тетя Лида с сыном. Глава их семьи, как и нашей, тоже был на фронте.

И вот мы с мамой с санками в пути. Помню – светит яркое солнце, блестит снег, люди по дороге идут друг за другом, как и мы с санками, перевязанные шарфами, платками. У меня уже отморожены руки и ноги, и мама не разрешает помогать ей тянуть веревку с санками. Очень хочется есть, но все, что у нас было с собой, уже съедено. Проходя через очередное село, я стучу в дверь и прошу чего-нибудь поесть. И люди дают: кто кусок хлеба, кто лепешку, кто картошку. Спасибо вам, люди!

Зимний день короткий, нужно думать о ночлеге. Стучимся в каждую дверь и просим пустить на ночь. Часто дверь открывает хозяйка: «Дивіться, ніде!» И, правда, на полу вплотную друг к другу лежат люди. Страшно, вдруг ночью останемся на морозе. Наконец нам везет, мы в тепле. Сколько таких, как мы, приходит ежедневно мимо этих хат и просит покормить, обогреть, приютить на ночь. И люди сочувствуют, отдают все, что имеют: еду, место на соломе в теплой хате, тепло своих сердец, не ожидая и не требуя ничего взамен. Вот это и есть милосердие! Так мы идем восемь дней, пользуясь добротой и милостью живущих по этой «дороге жизни» людей, где все переживают общее горе – войну, где никто не спрашивает твоей национальности, где каждый говорит на своем родном языке и все понимают друг друга.

На девятый день мы уже у родственников в Опошне. Садимся за стол, и мне дают две целых картошки и вареное яйцо. Казалось, что это сон, и я очень боялась проснуться. Но здесь тарелка супа для каждого была ежедневно. Мама несколько раз оставляла меня у своей сестры, а сама, собрав какие-то продукты, несла их в Харьков – накормить оставшихся там Нину с тетей. А я в это время очень боялась: вдруг что-то случится в дороге, вдруг она никогда не вернется.

И вот новая беда: набирают молодежь для отправки в Германию, и мой брат в этих списках. Женщины быстро принимают решение: вскипятили ведро воды и облили кипятком сверху донизу ногу брата. Пришедшим с повесткой объяснять

ничего не надо: нога – сплошной волдырь и живое мясо, такие в Германии не нужны.

Вот так мы прожили до августа 1943 г. Наша армия наступала, начались бомбежки и обстрелы Опошны. Пришлось уходить из села в чистое поле и искать там ночлег. Сначала был шалаш из сухих веток, но его смыло первым же ливнем, а потом мы нашли пустой крытый окоп. Там и обосновались. Что ели? Вокруг были поля картошки, свеклы, тыквы и даже бахча с арбузами. Правда, рядом, в таком же окопе жил одинокий дедушка, который, по его словам, ежедневно убивал тысячу вшей на себе. Вот так прошел весь сентябрь. Однажды утром появились немцы и начали минировать поле вокруг нас. Опять нужно уходить. Расположились на склоне оврага, а утром услышали пулеметные очереди, громкую русскую речь, военные команды. Так это же, наверное, наши. Действительно, НАШИ! Солдаты нам сказали, что Опошня уже освобождена и можно возвращаться. И мы спешим туда, где был наш дом эти полтора года. Но дома нашего нет, как нет и всех остальных: остались одни печки с трубами. Люди живут в погребках, а уцелело в селе одно здание – почта. Направляемся туда и находим на полу кусочек свободного места, там и располагаемся. Опять главная проблема – есть нечего.

Утром я иду к бывшим соседям за яблоками (у них большой сад). Вдоль тропинки кусты барбариса. Сворачиваю в заросли, чтобы полакомиться кислыми ягодками, и вдруг отчетливо слышу голос и смех моего папы. Прислушиваюсь, поднимаюсь на цыпочки и вижу военную фуражку. Да, это мои мама с папой идут за мной и громко разговаривают. Выбегаю на дорожку, и папа подхватывает меня на руки. Это очень похоже на сказку, но все было именно так. Папа подполковник, в составе войск 2-го Украинского фронта 23 августа участвовал в освобождении Харькова, сразу же разыскал сестру Нину с тетей и узнал, что мы с мамой в Опошне, которая в то время была оккупирована. Он следил за военными сводками, и как только Опошню

освободили, сразу поехал за нами. Нашел быстро, и мы, счастливые, едем в Харьков, а папа в тот же день возвращается в свою часть.

В последнее десятилетие каждая очередная годовщина Победы – это всплеск информации, направленной на снижение роли главного праздника народа-победителя. А в мае этого года нам объявили, что решено отмечать не праздник Победы 9 Мая, а день скорби по погибшим в войне 8 мая. Но разве те, кто дошел до Берлина и остался жив, кто вернулся домой победителем, кто долгих 1418 дней и ночей отвоевывал право детей на достойную сытую жизнь, на учебу, право стариков мирно доживать свои дни не в погребках и подвалах, а в своих домах, право всего народа сеять хлеб на своей земле, восстанавливать разрушенные и строить новые города, право на счастливую жизнь, разве эти люди не заслужили благодарной памяти потомков?

Великую Победу 1945-го у нас хотят отнять, переписывая историю и «переосмысливая» прошлое. Убеждают, что наша страна выступала захватчиком и агрессором, значит, сегодня нам нужно только каяться и скорбеть по погибшим, а повода гордиться Победой у нас нет.

В гордом и великом празднике 9 Мая заключена целая историческая концепция – система взглядов народа-победителя, которую можно выразить словами: «Наше дело правое!»

Я не хочу, чтобы мои правнуки (а их у меня двое) переживали военное лихолетье: просили кусочек хлеба, прятались от бомбежек в погребках, чтобы не знали, жив ли их отец, который пошел защищать свою семью, свою землю от врагов. Поэтому моя твердая позиция – защитить нашу историю, исключив из нее навсегда страшное слово «Война».

Подготовила В. И. Астахова

КОВАЛЬ РАИСА ИВАНОВНА

Коваль Р. И. родилась 2 августа 1930 г. в с. Семеновское Горьковской области.

Отец, Пеньков Иван Павлович, секретарь Гурейского райкома партии. Мать, Пенькова Полина Николаевна, товаровед. Работала шофером такси, и портной, и товароведом, была заготовщиком продовольствия для фронта.

В 1936 г. я переехала с родителями на Дальний Восток в Амурскую область.

С 1938 по 1948 г. училась в школе г. Гурья Амурской области. В 1948 г.

поступила в Благовещенский педагогический институт им. Калинина, который окончила в 1952 г. С 1952 г. работала учителем истории в школах № 2 и № 9 г. Свободный Амурской обл., а также в вечерней школе. В 1956–1957 гг. работала преподавателем истории и методистом педучилища в г. Куйбышевка-Восточная, с 1957 г. – завучем школы в г. Великокнязевск, с 1959 г. до 1960 г. – директором школы-интерната г. Возжеваки.

Была вожатой, старшей пионервожатой, активным пропагандистом: читала лекции по направлению Амурского обкома партии; член областного комитета комсомола.

В 1960 г. вышла замуж за военного летчика. В 1961 г. после демобилизации мужа переехали в г. Харьков. В 1961 г. родился сын – Владимир. В это время работала учителем в школе № 54, потом – организатором внеклассной работы. С 1969 г. работала организатором внеклассной работы и учителем истории в школе № 122.

Несколько лет была народным заседателем в суде.

В 1985 г. ушла на пенсию, но работала в нескольких школах (№ 19, 119, 42, 142), замещала учителей истории.

Преподавала «Обществоведение» – самый трудный предмет (учебника еще не было), «Историю», начиная с 5-го и заканчивая

11-м классом. Очень любила предмет «Этика и психология семейной жизни»: организовала всех детей генеалогическое древо свое описывать, опрашивать всех родственников. Даже нашли одного такого мальчика, который оказался потомком Минина и Пожарского...

Создала два музея: 53-й армии в 54-й школе (Ивана Мефодиевича Манагарова и Героя Советского Союза Анатолия Вишневого) и 183-й дивизии – в 122-й (открылся в 1972 г.).

Проводила выездные уроки мужества для 10–11-х классов на Курской дуге.

Руководила Московским районным клубом «Подросток и закон» для учащихся всех школ Московского района, который работал в кинотеатре «Россия».

На пенсии продолжала держать связь с музеями, занималась их восстановлением. Потом стала работать над тем, чтобы увековечить память И. М. Манагарова, А. Вишневого. Для школ № 54, 122 – сделать мемориальные доски. Добилась разрешения, но доски так и не были установлены. Ухаживала за могилами Леонида Дмитриевича Василевского, Энвера Бимболатовича Ахсарова.

Имеет много благодарностей, почетных грамот, в том числе от космонавтов, от А. Маресьева; знак «Відмінник народної освіти», 6 медалей.

В качестве награды за руководство клубом «Подросток и закон» была направлена в Ленинград в составе делегации перенимать опыт в организации правового воспитания детей в школе.

Участвовала в работе коллективов художественной самодеятельности.

ВОЙНА НАС БИЛА И ЛОМАЛА...

Война застала нашу семью на Дальнем Востоке... Мы ее сразу ощутили: магазины закрыты, продукты только по карточкам, давали по 400 г. Но никто не роптал, ото всего отказывались, даже от зарплаты...

Я в школу ходила и с температурой 39°, так как там детям давали ложку сахара и ложку рыбьего жира...

Мой отец имел бронь, он работал секретарем Гурейского райкома партии Амурской области. Этот район снабжал армию. Я считаю, что папа был настоящим коммунистом, никаких поблажек: жили так бедно, как и все вокруг в условиях военного времени. Однажды, например, я потеряла продуктовые карточки на 10 дней... Так соседи ходили просили за нас, чтобы нам отпустили продукты...

А все четыре брата папы на фронте, имели ранения. Одного из братьев, дядю Женю, мы потеряли... (Позже в газете «Правда» была опубликована огромная статья «Артиллерия – бог войны» с подписью – Евгений Пеньков; это был наш потерявшийся родственник).

В 1942 году нам, 12-летним детям, объявили о трудовой повинности. И с 1942 года по 1945 мы работали в школе как технические работники, а школа была трехэтажная, дел было немало...

В 1942 году в нашей школе произошло событие, которое я никогда не забуду. Весь 10-й класс решил идти на фронт. Им устроили в школьном дворе прощальный вечер, собрались все дети, родители...

Первым из этого класса погиб наш сосед по коммунальной квартире Ваня Макиенко, который раньше часто по просьбе моей мамы присматривал за мной, малолетней.

...Когда принесли похоронку Ваниной маме, почтальон не смогла ей отдать, боялась... И попросила меня отдать ей эту страшную бумагу...

Я положила похоронку на стол и ждала реакции... Раздался стон, крик и что-то упало... Это упала Ванина мама, ее парализовало, в этот же день она умерла... Никогда этого не забыть!...

Позже погибли один за другим эти десятиклассники, осталось из класса 3 человека...

В 7-м классе я создала тимуровскую команду девочек.

Однажды забрела за сопку и увидела дом. Зашла в него, а там четверо нагих детей, пятый где-то ходил добывать пропитание... У них мама умерла, папа на фронте погиб, они остались совершенно одни. Мы целый месяц занимались оформлением этих детей в детский дом и кормили тем, что давали местные жители...

Еще помню один потрясающий случай.

В школе готовили посылки фронтовикам. Я – к бабушке: «Надо посылку...» Бабушка где-то на чердаке нашла носки, кيسет с табаком и голубоватый шерстяной шарф, положила сухарики... И эту посылочку мы отправили...

И вдруг я получаю письмо от какого-то Леши. Он писал: «Дорогая девушка (а мне всего 12 лет!). Получил твою посылочку. От нее столько тепла, столько нежности! Я из Курской области. Не знаю ничего о своих родителях... Но я представляю тебя, какая ты красавица; давай переписываться». И мама посоветовала ответить ему: «Дорогой Алеша! Пиши нам, мы тебе всегда тоже будем писать. Приезжай к нам».

Когда я была в 7-м классе, появилась песня, которую я выучила (а я всегда пела в концертных программах):

Был я ранен; лежал в лазарете.
Поправлялся, готовился в бой.
Вдруг приносят мне в сером пакете
Замечательный шарф голубой.
Ты меня никогда не видала,
И не видела даже во сне,
Замечательный шарф подарила,
Подарила именно мне.
И другим приносили подарки,
Мне казалось, лучшего нет.
От кого – инженера, доярки?
Кто прислал с этим шарфом привет?

Я пела эту песню со слезами, думая об Алеше, но он больше не писал...

Мои ровесники-мальчишки сбегали, помню, на фронт. Их находили аж под Байкалом (двое суток езды от нас).

Война прошла своим страшным крылом и по семье моего мужа. Его отец погиб под Балаклеей, оставив сиротами шестерых детей. Долго мы не знали о месте гибели отца, но уже наш сын нашел его, это место...

Когда наступил долгожданный день Победы, расцвел багульник: все вокруг было изумительного сиреневого цвета, над городком стоял аромат цветов...

Мы пошли на кладбище помянуть тот 10-й класс и всех, кто сложил голову, похороненных на этом кладбище. А вечером 9 Мая 45-го года встречали поезда с солдатами, которые направлялись на войну с Японией... Они ехали дней по 20, были уставшие, конечно. А мы, все жители Гуреи, встречали их не с пустыми руками, хотя голодно было по-прежнему...

Наблюдая сложившуюся ситуацию в Украине, хочется напомнить слова Александра Сергеевича Пушкина: «Осквернение прошлого ведет к цинизму и бездуховности... Гордиться славою своих предков, не уважать которую есть постыдное малодушие... Ведь, забывая великие подвиги своих предков, человек теряет тот самый уникальный патриотический дух, который почитаем и уважаем во всем мире».

Подготовила В. Н. Билык

ЛАВАНОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Лаванов А. Н. родился 30 марта 1921 года в селе Чернолесское (ныне Новоселицкий район) Ставропольского края в семье священника. После перевода отца в Москву остался в г. Майкопе на попечении бабушки и тетки. Благодаря им овладел чтением, письмом и счетом настолько, что был принят сразу в 3-й класс московской средней школы № 5.

В 1934 году, окончив 7 классов, поступил в ФЗУ № 24 при авиазаводе, по окончании которого ему была присвоена квалификация токаря 5-го разряда. В 1936 году был принят на

авиационный завод по специальности.

В 1940 году Лаванов А. Н. призван на военную службу на Тихоокеанский флот, направлен в учебный отряд подводного плавания во Владивосток и в качестве моториста откомандирован на подводную лодку С-54 в бухте Золотой Рог. Впоследствии подводной лодке был присвоен номер С-51.

Перед началом Великой Отечественной войны подводная лодка С-51 входила в состав 1-й бригады подводных лодок Тихоокеанского флота. На ней Алексей Лаванов и начал войну.

Был участником героического группового перехода в октябре 1942 – январе 1943 года шести подводных лодок под командованием капитана 1-го ранга А. В. Трипольского с Тихоокеанского на Северный флот. Весь путь дивизиона проходил через районы боевых действий флотов и авиации Японии и США, Германии и ее союзников. Одна из лодок, Л-16, была торпедирована японской подводной лодкой, и никому из экипажа не удалось спастись. Панамский канал, Карибское море, Куба, Канада, США, Исландия, Ледовитый океан, Баренцево море... Таким был героический путь советских подводных лодок, на одной из которых – С-51 – служил мотористом Алексей Николаевич Лаванов.

На севере Лаванов А. Н. участвовал во всех восьми боевых походах С-51. В результате торпедных атак экипаж потопил пять транспортов, миноносец, сторожевой корабль и тральщик противников.

24 июня 1945 года старшему краснофлотцу Алексею Лаванову выпала честь в составе сводного батальона военных моряков стать участником парада Победы на Красной площади в Москве.

В 1947 году А. Н. Лаванов был демобилизован и направлен в Москву по месту призыва. Работал на различных предприятиях столицы, затем мастером на основном производстве в «Челябинске-40». Там же заочно окончил Уральский политехнический институт по специальности техник-механик. С 1961 по 1976 годы трудился в г. Димитровграде Ульяновской области в институте атомных реакторов им. Курчатова, откуда уволился в связи с достижением пенсионного возраста по списку № 1 с должности старшего инженера смены.

С 1976 по 2002 годы работал в Лиенае, Ялте и Чернигове. В 2002 году Алексей Николаевич переехал в Харьков.

А. Н. Лаванов является почетным членом Харьковской областной общественной организации ветеранов-подводников имени Героя Советского Союза И. И. Фисановича. Главное направление его работы во время пребывания на пенсии – военно-патриотическое воспитание молодежи, шефство над Клубом юных моряков.

Награжден орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, орденом Красной Звезды и медалями, в числе которых медали «За отвагу», «За победу над фашистской Германией» и «За оборону Советского Заполярья». Также имеет иностранные награды.

Накануне I Всеукраинской конференции писателей-маринистов и II Конгресса ветеранов-подводников Украины, которые прошли в сентябре 2008 в г. Харькове, вышла в свет книга воспоминаний А. Н. Лаванова «Тихоокеанцы на Севере».

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

В начале апреля 1945 года подводную лодку, на которой я служил, направили из Полярного к берегам Норвегии с целью уничтожения вражеского крейсера «Тирпиц». Мы выполняли боевое задание, но через три дня, неожиданно для экипажа, лодку срочно отозвали назад, в порт приписки. К родным берегам плыли в полной секретности. 70 подводников, находившихся в сигаре, еще не знали, что войне конец.

Как положено на флоте, по прибытии лодки в порт на палубу поднимаются только офицеры и швартовая команда, в которой находился и я – старший краснофлотец Лаванов Алексей Николаевич. Всех удивило отсутствие боевого катера, который всегда сопровождал пришвартовавшуюся подводную лодку.

На пристани, небольшом клочке равнины среди полярных сопок, увидели много народу, что было очень странно, потому что даже близким не разрешалось встречать вернувшуюся из похода лодку. Еще более странным было то, что играл оркестр, а девушки, служащие в ПВО, чьи позиции находились на скалах, палили из пушек.

По традиции первым на лодку запрыгнул экспедитор Павел Кучин, но вместо привычных слов приветствия вдруг как заорал во все горло: «Война закончилась!».

Можно ли подобрать слова, которые бы передали радость, бурю эмоций, ликование, охватившие всех в эту минуту. 70 подводников, вернувшихся из похода, услышав эту долгожданную весть, ликовали вместе со всеми, стреляли из ракетниц, т. к. личному составу было запрещено носить оружие.

А потом, 9 мая, был военный парад Северного флота по Кольскому заливу от Мурманска до Полярного.

Вскоре наша подводная лодка стала на ремонт, а семь человек экипажа, в том числе и я, были откомандированы в распоряжение местного полуэкипажа при комендатуре для

подготовки к Параду Победы 24 июня 1945 года в составе отдельного морского батальона Северного флота.

Во второй половине мая началась подготовка к параду. Получили новую форму – финскую. Вроде такую же, как и советскую, но шинели грубые и очень тяжелые. Форменки и остальное обмундирование было отечественное и очень хорошего качества. В составе полуэкипажа были в основном москвичи или жители Подмосковья. Подбор участников парада развеял миф о том, что подбирали строго по росту – не ниже 175. На самом деле многие были совсем невысокими, но очень заслуженными.

Первые ощущения свободы – это пассажирские вагоны, такие просторные и светлые по сравнению с замкнутым пространством подводной лодки.

В Москве – строевая подготовка с утра до вечера: шаг длиной 120 см со скоростью 120 шагов в минуту. Жарко, а на нас громоздкие и неуклюжие шинели. Черноморцам и балтийцам было легче: бушлаты подогнаны по фигуре. Правда, и нам вскоре повезло: из-за теплой погоды шинели отменили.

Как и во всех традиционных парадах, нашей роте нужно было по команде кидать винтовку «на руку», а это при весе винтовки почти пять килограммов нелегко было сделать. Но после долгих тренировок тяжесть винтовки перестаешь чувствовать, и она находится на ладони неподвижно. Балтийцам и в этом повезло: они маршировали с автоматом на шее, о чем мы могли только мечтать.

После генеральной репетиции на Красной площади нас ожидал сюрприз: нам первым как участникам парада была выдана новая медаль «За победу над Германией» с обязательным ношением на груди.

23 июня – день отдыха. И вот он – знаменательный день – 24 июня! 4 часа утра. Быстрое без задержек движение по улице Горького. Долгое, очень долгое ожидание. Напротив нас – часы на Спасской башне. Звучит команда. Все замерли. Маршал

Жуков на белом коне объезжает войска. Восторженное троекратное «Ура!» Начало марша. ГУМ, поворот к Историческому музею, мавзолей, трибуны. И вдруг ... неожиданная заминка.

Еще перед маршем обратили внимание на колонну солдат с опущенными флагами в руках. Флаги были разные – черные, серые, красные с черной свастикой, с гербом, серебряные с орлами и набалдашниками, большие и маленькие, скромные и богато отделанные, длинные и короткие, расписанные золотом и отделанные мишурой. Некоторые порваны, видимо, побывали в боях. И почти на всех фашистская свастика. Настолько в наших сердцах была сильна ненависть ко всему фашистскому, что даже в адрес солдат, державших штандарты, полетели колкие и едкие шуточки.

Так вот заминка в нашем марше и произошла потому, что все ждали, когда будут брошены фашистские знамена к подножию мавзолея и колонна вернется на место. Марш продолжался, а наши сердца наполнились гордостью за тех солдат, которым выпала честь бросать знамена побежденных к ногам победителей.

Маршем прошли перед мавзолеем под аплодисменты присутствующих на параде. Каждый искал глазами Сталина, который находился на трибуне.

Как только прошли мавзолей, начался дождь. Вначале редкий, затем припустил сильнее, но это был летний теплый дождь, который вскоре закончился.

После прохождения по Красной площади сводный морской батальон под оркестры чеканным шагом прошел маршем по Театральной и Дзержинской площади, Охотному ряду. По улице Горького мы шли буквально в людском коридоре: и на тротуарах, и на проезжей части – всюду были люди. До самого стадиона «Динамо» мы шли под несмолкающие аплодисменты и крики «Ура» стоящих по обе стороны улицы людей. В строй врывались молодые девчата и целовали кого-либо из нас, а женщины

постарше плакали, не стесняясь своих слез. Это были слезы радости, народного ликования. И море цветов. Не было шикарных букетов, не было роз и гвоздик. Это были в основном скромные букетики полевых цветов. Но они сопровождали нас вплоть до Белорусского вокзала.

В такой ситуации было очень сложно сохранить четкий шаг и равнение. Но мы очень старались. Мы шли гордые, счастливые, недоступные, с сознанием величия победителей.

Около Белорусского вокзала наш строй буквально «разобрали на части». Многие старались пожать руки, погладить по плечу, поздравить, обнять, расцеловать. Окна домов в узком переулке были открыты настежь. Отовсюду приглашения «зайти на минутку попить чайку». Приветствия, поцелуи... Смех и улыбки. И слезы, слезы... Вот одного из нас подняли и стали подбрасывать вверх. То здесь, то там моряков стали качать одного за другим...

Это надо было увидеть, надо было пережить участие. И нам выпала честь.

Мне же выпало в минуты ликования охранять винтовки, поставленные в пирамиды. Уважая часового, люди близко не подходят к нам. А вот детишкам было трудно удержаться на расстоянии. Те, что посмелее, рывком подбегут к винтовкам, погладят их рукой – и назад.

Никогда не забуду вопрошающие взгляды женщин и вопросы, которые сопровождали нас на протяжении всего пути: «А моего не встречали? Может, слышали... Может, видели... По случаю... Может??! Может??!»

Что ответить на эти вопросы? Нет не случилось... Нет, не встречал... Не довелось...

Мой друг Федя Гаврюшин нашелся и, «угадав», о ком спрашивает мать солдата, заверил, что встречал ее сына, что он жив, здоров и скоро вернется домой. И мы еще долго слышим ее радостный крик «Федя, сынок мой, жив!».

Громкая команда «Станов...и...и сь!», и мы продолжаем свой путь дальше. Опять в сплошном людском коридоре. И опять: «Не видели...», «Не знаете...», «Не встречали... случайно...»

И так до самого Сокола, где базировались. По букетикам цветов, под крики «Ура!!!» по людскому коридору.

*Подготовили: Л. Я. Бельчикова,
Дарья Горбунова,
Эдуард Рубинфайн,
Даниил Гавриш*

ЛЕОНОВ ВАЛЕНТИН ПАВЛОВИЧ

Леонов В. П. родился 31 мая 1924 года в г. Орехово-Зуево Московской области. Учился в средней школе, работал чертежником. Добровольцем ушел на фронт. Участник боев на фронтах Сталинградском, Донском, Центральном, Первом Белорусском. Награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом «За мужество», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», медалью лауреата Государственной премии СССР им. Королева, многими другими медалями.

ДЫХАНИЕ ПОБЕДЫ

В середине 1942 г. в массовом порядке стали формироваться новые вооруженные силы – гвардейские минометные части «катюши».

Через комсомольские организации был создан московский комсомольский полк «катюш». В этом полку среди комсомольцев-добровольцев был и я. Полковая школа, интенсивное освоение новой техники, основ военной науки, и через месяц – ускоренный выпуск, присвоение звания сержанта, назначение командиром боевой установки БМ-13.

В июле 1942 г. нашу часть отправили на фронт в Задонецкие степи. Первое боевое крещение врезалось в память навсегда: ужас и страх, кровь, смерть, потеря боевых товарищей, разбитая техника. Из четырех установок в первый день вернулось только две. Открытая местность, отсутствие достаточного опыта

в военном деле делало нас мишенью для врага. Немецкая авиация охотилась за каждой установкой. Нас спасло мастерство и смекалка водителя установки. Видя, как на машину пикирует немецкий самолет, он притормаживал – бомба падала перед машиной, а потом, пока самолет разворачивался и заходил на новый круг, уезжал на полной скорости. Это было только начало, впереди – затяжные бои в окрестностях Сталинграда. 19 ноября 1942 г. – масштабное наступление Советской армии, окружение немецкой группировки и ее уничтожение. 2 февраля 1943 г. все закончилось. Звонящая тишина, морозный солнечный день, колонны пленных. За оборону Сталинграда я получил первую боевую награду – орден Великой Отечественной войны.

Потом была Курская дуга, Центральный фронт. В июле 1943 г. после активной обороны – наступление, впечатляющие успехи наших войск, как первое весеннее дыхание Победы.

Наш полк активно участвовал в освобождении г. Новгород-Северский, за что ему было присвоено имя Новгород-Северского полка. Долог был путь к победе. За спиной остались Брянские леса, северные районы Украины, минские болота, бои по форсированию Днепра в районе г. Львов. На этом мой боевой путь заканчивался.

В мае 1944 г. меня с Первого Белорусского фронта направили на учебу в Москву в Первое Московское Гвардейское артиллерийское минометное училище им. Красина. К тому времени наступил переломный этап в ходе Великой Отечественной войны. События этого периода подтверждали, что Победа не за горами.

Летом 1944 г. в столице прошло грандиозное шествие немецких пленных – солдат, офицеров, генералов, в основном захваченных в плен в Белоруссии войсками 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Они заполнили улицу Горького от центра до Белорусского вокзала и прошли колоннами по Садовому

Леонов В. П.
1 мая 1945 г.

кольцу и другим улицам столицы. Это было знаменательное событие в жизни не только Москвы, но и всей нашей Родины. Приближалась победа, и народ чувствовал ее животворное дыхание.

Другое событие не такое грандиозное, но тоже впечатляющее, когда мы, курсанты Первого Московского Гвардейского артиллерийского минометного училища им. Красина в парадном строю, под звуки духового оркестра проходили маршем по центральным улицам

Москвы. Мы были одеты в парадную форму, с шашками, шпорами. Это произвело сильное впечатление на жителей столицы. Нас встречали восторженными возгласами и аплодисментами, в нас видели защитников, победителей. 1 мая 1945 г. я и моя будущая жена находились на концерте в Колонном зале Дома Союзов. Вдруг концерт прервался и со сцены объявили, что наши войска после штурма взяли г. Берлин. Весь зал ликовал, мгновенно поднялся, приветствуя Победу, все поздравляли друг друга, обнимались, целовались и плакали.

Утром 9 мая 1945 г. в училище нам объявили, что враг окончательно повержен. Мы, курсанты – все фронтовики – ликовали. Был праздничный обед, а затем увольнение до утра.

Со своей подружкой мы гуляли по Москве. Это были самые счастливые и незабываемые моменты моей жизни. В военной форме ходить было невозможно, тебя все поздравляли, приветствовали. Вечером мы пришли на Красную площадь, которая была полностью заполнена людьми. Гремела музыка, со всех сторон – грандиозный салют и фейерверк. До этого Москва неоднократно салатовала по поводу освобождения

наших городов. Но такого впечатляющего салюта, который был вечером 9 мая 1945 года, мы не видели никогда. Этот праздничный день запомнился на всю жизнь.

Апофеозом праздничных событий был парад «ПОБЕДА» 26 июня 1945 года, грандиозный парад, в котором принимали участие представители всех фронтов, разных военных учебных заведений г. Москвы. В этом параде выпала честь участвовать и нашему училищу, Первому Московскому Гвардейскому артиллерийскому минометному училищу им. Красина.

В первых рядах на Красной площади стояли фронтовики, следующими, ближе к Гостиному двору, стояли мы. Парад принимал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков на белой лошади. Командовал парадом Маршал К. Рокоссовский на гнедой лошади. Все было очень торжественно. . . . После шествия войск, представляющих фронты, шла колонна с немецкими знаменами и штандартами, которые были брошены к подножию мавзолея. Затем стройным маршем прошли и мы.

Когда после завершения марша на Красной площади мы возвращались к себе в училище, тысячи москвичей приветствовали нас на улицах города, хотя погода к этому времени испортилась, шел дождь. Но его никто не замечал. Люди были счастливы и горды Великой Победой.

Подготовила Т. Н. Ена

НАУМОВА (ПАНТЕЛЕЕВА) ЗИНАИДА ГРИГОРЬЕВНА

Наумова (Пантелеева) З. Г. родилась 26 августа 1934 года в Забайкалье, где служил на границе ее отец – кадровый офицер Советской Армии. В 1952 г. закончила среднюю школу в Туркмении (г. Керки) и поступила в Харьковский государственный университет им. А. М. Горького на исторический факультет, который закончила в 1957 году. С тех пор преподавала в школе 14 лет, работала завучем, классным руководителем.

Общий педагогический стаж – 46 лет.

ЭТО ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО

Войну помню не с 1941 года, а с 1939. Летом 1939 г. Япония пыталась оккупировать Монголию. Части военного гарнизона, где служил отец, находились на границе с Монголией, а семьи жили в военном городке недалеко от границы. Поэтому первые детские воспоминания связаны с обстрелами, с сидением в траншеях, со страхом от вида раненых бойцов, обожженных танкистов.

1941 г. Что началась война с фашистами, мы, дети, не знали. Запомнилось мне только вот что. Моя мама ходит по комнате, плачет и складывает в чемодан вещи. У меня возник вопрос: почему она плачет? Но не спросила. Потом погрузили нас и чемоданы в машину и повезли на вокзал. Не только нас, конечно, а все семьи военнослужащих. Посадили в товарные вагоны и куда-то повезли. Куда? Мамы, может быть, и знали, очень переживали, а мы любовались из вагонов природой. Особенно

меня удивило Прибайкалье. Помню эту красоту до сих пор. Иногда наши эшелоны долго стояли, потому что шли составы с солдатами и военной техникой на запад. Мы, шестилетние дети, ничего не понимали и не знали, но тревожность матерей передавалась и нам. Довезли нас до гор Черемхово Иркутской области. Там нас ждали телеги, на которые рассаживали семьями и с вещами. Уже будучи взрослой, вспоминая те времена, давалась диву. Почему? Ведь никто не готовился эвакуироваться. Люди просто работали в мирное время. Но когда пришла беда, люди стали строже, ответственнее, собраннее. Хотя я все это поняла, когда выросла, в частности поняла, какая огромная работа проходила по приему эвакуированных.

Ведь приходил не один наш состав, но когда он останавливался, нас уже ждал, пусть и деревенский, но транспорт. Нас развозили на телегах по деревням. И мне кажется, каждый извозчик знал, к какой хате везти людей. Мы были все размещены по домам, никто не остался на улице.

Чем питались, толком не помню, может, колхоз помогал. Многие наши мамы пошли работать в колхоз.

Ну а дети, как дети. Помню, только когда мы пообщались с местными детьми в течение дня, то наши мамы чуть в обморок не падали от расширения нашего лексикона. Но местное население относилось к нам хорошо. Никогда не отпускают, пока не накормят.

Но мы все равно были всегда полуголодные. Лучше было летом. Ведь Сибирь – это тайга. Вот мы стайками и ходили в лес, потому что там ягоды, грибы, орешки кедровые.

В школу я пошла в 1942 году. Первая моя учительница Нина Ивановна, ленинградка. Видимо, как-то успели их эвакуировать. Сестра ее была завучем школы. Учиться было нелегко. Где брали учебники – не помню. Помню, где брали тетради: где-то доставали бумажные мешки коричневого цвета, разрезали их и делали тетради. Чернила делали из желудей, а перья давали в школе.

Потом мама перевезла нас из деревни в город Черемхово. Это Иркутская область, шахтерский городок. В шахтах тогда работали в основном женщины. Тяжело было всем. Помнится, как мама выстаивала в очереди за хлебом, иногда булочки были. До часа ночи стояла в очереди она, потом до 7–8 часов стояла я, а к 9 часам я бежала в школу. Мы как-то поняли, как тяжело нашим мамам. Хотелось помочь. И мы придумали. Набирали в

ведро воды, кружку в руку и продавали торговцам на рынке по 15 коп. кружку. Что-то за день набирали и несли своим мамам.

Все, наверное, было дорого. Папиного аттестата не хватало. Но государство не бросало в беде маленьких, ослабленных детей. На мою младшую сестру мама получала какое-то дополнительное питание.

Так и жили, пока папа, когда войска перебазировались с запада на восток, сумел как-то получить разрешение и забрать нас. Когда папина часть прибыла в Порт Артур, то папа отказался там остаться, хотел увольняться, но его не пустили, а дали назначение куда-то под Читу. Часть расположена была на 76-м разъезде. Туда мы к нему и приехали.

Никогда не забыть, когда он нас привез в комнату, на столе уже что-то для нас было приготовлено. Запомнился солдатский чайник литров на 10–15. Ну, мы же сразу накинулись на еду, и вдруг я увидела: по щеке у папы покатила слеза. Это у офицера, который прошел не одну войну, видел много горя и страданий.

И еще раз я видела, как плакал отец – 9 мая 1945 года. Мне было почти 11 лет, и это четко врезалось мне в память. Мы с мамой и с папой собирались ехать в Читу. Уже надо было садиться в машину, когда увидели, издали бежит ординарец

отца, что-то кричит и размахивает руками. Потом услышали: «Стойте! Подождите! Конец войны! Победа! Наша победа!».

Он подбежал к нам. По лицу лились слезы. Запыхавшись, он еле выговорил: «Левитан объявил, что фашисты полностью капитулировали. Мы победили!».

Папа схватил меня, уже большую девочку, подбросил высоко вверх и тоже стал кричать: «Победа!».

А потом закружил маму, они обнялись и заплакали оба навзрыд. То были слезы счастья и боли, гордости и страданий, но я поняла это только намного позже, когда стала уже взрослой. А тогда я вместе со всеми орала из последних сил: «Победа! Наша Победа!».

К нам со всех сторон бежали солдаты, офицеры, их жены и дети. Поездка в Читу была отложена. Народ хотел праздника, и он пришел, этот великий День Победы – великий праздник навсегда.

Подготовила В. И. Астахова

ПАЛЬЧИК РАИСА ФЕДОРОВНА

Пальчик Р. Ф. родилась 1 августа 1939 года в с. Кармакчи Кармакчинского района Кзыл-Ординской области в семье служащих. В 1959 году окончила Куйбышевское педагогическое училище, в 1967 году – Харьковский государственный педагогический институт им. Г. С. Сковороды, где получила специальность учителя начального образования.

С 1963 года проживает в Харькове. Работала учителем младших классов в харьковских школах № 14, 8 и 4. С 1 сентября 1992 года работает преподавателем кафедры начального обучения Народной украинской академии.

Проводит занятия по системе Д. Б. Эльконина – В. В. Давыдова. Является методистом-инструктором развивающего обучения в 1–4-х классах.

Учитель-новатор. Отличник народного образования Украины. Почетный профессор ХГУ «НУА».

В 2004 году награждена знаком «За розбудову освіти», в 2006 – Почетной грамотой МОН Украины, в 2009 – знаком «Василь Сухомлинський». Воспитала дочь. Имеет внуков.

ИСКРЫ ПАМЯТИ

Дети войны, на мой взгляд, страшное словосочетание. Хочется сразу слово «дети» соединить с более логичным словом – «любовь», «радость». Но – увы! Такое словосочетание родилось и живет как отголосок страшной войны. Хотя не страшных войн не бывает.

А время с 1941 года было временем нашего детства.

Я записала для внуков воспоминания родных и друзей, которым к началу войны было 2, 4, 6 лет.

Мы назвали эти воспоминания «Искры памяти». Но это такие «искры», которые, собравшись вместе, обжигают душу. Детская память цепкая, в ней много всего. Поэтому очень осторожно вспоминали, надолго замолкали, вздыхали и каждый видел картины своего детства.

У всех, в том числе и у меня, первые воспоминания – о еде. Видно, голод вошел в подсознание. Я помню и вижу себя маленькой, мне все время хочется кушать. Почему-то хочется хотя бы крошку хлеба. Представляю: я, как дудочку, держу ее во рту, перекаत्याю языком, рассасываю и не глотаю. Я даже знаю, где искать эту крошку – в шкафчике, в выбоинке, в центре полки. Вероятно, там хранили когда-то хлеб. Ничего не сказав братьям, я взбираюсь на табуретку и ладошкой медленно вожу по полочке. Боже, какая она гладкая, полочка. Вот и вмятина, но там – ни крошки! Этого не может быть! Снова и снова ладошка обследует полку, но увы! – ничего нет. Обреченная, стою на табуретке, а старший брат в это время с укором говорит среднему: «Сколько еды пропало, что я маме про вас скажу!?!». Это средний брат, видно, тоже был голоден, и поспешил съесть мелкую картошку, сваренную в мундирах. Но голодный желудок не принял эту еду, и вот она лежит на полу около печки.

Потрясение было таким сильным, что воспоминание об этом случае осталось на всю жизнь.

Во время войны голод во многом управлял поступками детей. Мы ели все, что можно было и даже чего нельзя. В память врезалась еще одна картина: мы, трое детей, за ужином, сидим вдоль стола. Перед каждым – неполный стакан молока, а в торце сидит мама и дует серу (гудрон или парафин). Эту «серу» можно было жевать, но не есть – жевание заглушает чувство голода.

Однажды на станцию пришел состав, в котором были цистерны с глицерином. Одна из цистерн протекала. Запах и

вкус привлекли мальчишек. Толя, средний брат, вместе с другими ребятами ухитрились напиться этого «меда», да и домой принести полный ковшик. Мне этот «мед» не понравился, а для брата последствия оказались ужасными: его жизнь и здоровье долго еще висели на волоске.

Я всегда чувствовала себя нужной, любимой в доме. Я была напитана силой родного дома. Это научило меня быть ответственной за свои слова, поступки, за близких мне людей. Ведь мои родители, братья так жили всю жизнь, и я просто не могла быть иной!

Трогательной была забота друг о друге. Однажды брат принес букетик степных тюльпанов и пучок дикого лука. На мой вопрос «что это за трава?» он ответил: «Очень полезный дикий лук. Мы наелись его в степи, а это – для вас с мамой».

Через много лет старший брат привез меня в степь, где когда-то они с мальчишками собирали тюльпаны и первые витамины. Мы смотрели на землю, которая кормила нас, и делали вид, что в глаза попал песок – не принято у нас выставлять чувства напоказ.

Сколько помню себя, разговоры о фронте велись все время. Мальчишки мечтали воевать, строили планы. В те времена и дети готовы были защищать Родину.

Детство, хоть и голодное, всегда было заполнено играми, шалостями и иногда очень опасными делами. Оказывается, старшие братья психологически готовили себя к фронту. Помню, как мы по очереди держали над пламенем свечи свои худенькие детские ладошки – так проходили тест на готовность быть партизаном. Я не прошла этот экзамен, и мне было велено отойти подальше от тех героев, которые выдержали испытание огнем.

А вот другая картина всплывает из памяти. Вдоль железнодорожного полотна натянута проволока. Я, сидя, раскачиваюсь на ней, как на качелях, мне очень страшно: сосед Гена Карунников и мои братья лежат на шпалах между рельсами, втянув голову в плечи, закрыв ее руками, и ждут,

когда над ними промчится поезд. Вот он показывается из-за поворота – огромный, гремящий состав, похожий на чудовище. Кажется, что ему нет конца. Я с ужасом закрываю лицо руками...

Вспомнив однажды, я рассказала об этом своему брату, уже пенсионеру, и спросила, зачем они это делали. Он ответил, что это была психологическая подготовка к тому, что во время боевых действий немецкий танк может пройти над окопом. И добавил: «Если бы ты знала, как долго шел поезд и как было страшно».

Как хорошо, что не обо всех наших проделках знала мама. Папа, уходя на фронт, просил ее беречь себя и детей. И она берегла и сберегла, отдавая нам свою заботу, любовь, последний кусок хлеба.

Р. Ф. Пальчик с мамой и братьями
(Это фото посылали папе на фронт.
Он привез его назад. Снимок
сделан 14 декабря 1942 г.)

Вспоминаю, как пришла в наш дом Победа. Каждый день мама ждала почтальона – весточки от папы. Уже отгремели торжественные залпы. Люди ходили с просветленными лицами, а папы все не было. К нам радость победы пришла в декабре 45-го. На всю жизнь у меня осталось чувство вины перед папой: как я его встретила после войны. Мы катались на горке. Прибежали какие-то люди, с криками «твой отец вернулся» чуть ли не волоком потащили меня домой.

И вот я стою на пороге комнаты. В ней много людей. Старший брат обнимает большого незнакомого мужчину. Меня подталкивают: «Иди, это твой папа». Но я не двигаюсь с места: я не знаю этого человека, ведь он ушел на фронт, когда мне было 2 года. Много усилий ему пришлось тогда приложить, чтобы завоевать мое доверие.

Я благодарна судьбе, что у меня долго были живы родители, которые, пережив ужас войны, нелегкие послевоенные годы, остались любящими, сильными людьми. И мы, их дети, единодушно признали: всем лучшим в нас мы обязаны своим родителям. Они научили нас быть стойкими.

Война сплотила людей разных национальностей. Общее горе объединило всех. Дружба, поддержка, взаимовыручка помогли выстоять и выжить в то тяжелое, страшное время.

Подготовила Т. Н. Ена

ПИЛИПЕНКО ЛИЛИЯ ПРОКОФЬЕВНА

Пилипенко Л. П. родилась 24 октября 1934 года в селе Винники Ново-Водолажского района Харьковской области в семье учителей. В 1952 г. после окончания средней школы №1 в г. Карловке Полтавской области, где после окончания войны работал директором отец, поступила на исторический факультет Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, который окончила в 1957 году.

Работала учителем истории в средней школе № 133, а с 1962 г. – преподавателем кафедры общественных наук Харьковского инженерно-строительного института. В 1991 г. вышла на пенсию. Муж Пилипенко Димир Васильевич умер в 1978 г. Воспитала двоих дочерей. Имеет внуков и правнуков.

У НАС ОДНА НА ВСЕХ ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Война... Нет ничего страшнее в истории рода человеческого. То, что переживается людьми в этот период, не сравнимо ни с какими бедами, ни с какими жизненными трудностями. И нам пришлось ее пережить в 1941–1945 годах, когда гитлеровский фашизм напал на нашу страну. Великая Отечественная война, так она вошла в историю и в наше сознание, война за свободу и независимость своей Родины.

Воспоминания о войне... Они трудные, хотя они и детские. Но впечатления детей – самые верные, самые меткие, самые глубокие. Нет в моей жизни событий более впечатляющих, более значимых, чем те, что я и мои соотечественники пережили в годы войны.

В августе 1941 года отец ушел на фронт, а нас (меня, маму, сестру 1938 года рождения) и бабушку эвакуировали в Саратовскую область, Краснокутский р-н, с. Лангенфельд. Там мы прожили до 1944 года, а затем (после освобождения советскими войсками Донбасса) переехали в г. Авдеевку, Сталинской области (ныне Донецкой).

Небольшой промежуток времени, а сколько бед и страданий было пережито. Война началась с бомбежек, обстрелов, долгого сидения в подвале и страха, страха, страха... Даже спустя много лет, будучи студенткой, я вздрагивала от гула летящих самолетов, не могла освободиться от жуткого ожидания взрывов летящих, воющих бомб, криков детей, стариков, женщин... А голод... я и сейчас дорожу каждым кусочком хлеба, никогда не позволю себе бросить его или небрежно с ним обращаться, потому что в эвакуации мы жили очень голодно, не было ни хлеба, ни картофеля, никаких сладостей, фруктов и т. д. Зато нас окружали добрые, отзывчивые люди, и хотя работали под девизом «все для фронта», не покладая рук, там я поняла и навсегда запомнила, что значит выражение «делиться последним куском хлеба», не только в переносном, но и в прямом смысле.

Вспоминается, как мы много месяцев подряд видели зарево горящего Сталинграда, как наши солдаты вели колонны военнопленных гитлеровцев из армии генерала Паулюса, как над ними кружили вороны, а они шли, шли, шли и падали от холода и голода (а морозы там были до 40 °С).

Тяжелый, сопряженный с переполненными вагонами, отсутствием какого-либо расписания движения железнодорожного транспорта, переезд из эвакуации на Украину был для нас праздником, ощутить который можно было только испытав.

Вот мы и дома. Авдеевка – разбитая, разграбленная оккупантами, нам показалась раем. Мама сразу начала работать в школе, мы – учиться, и жизнь потекла хотя и трудная,

Пилипенко Л. П.
50-е годы

голодная, но полная надежд на скорую победу, на возвращение с фронта отца, на счастливую, спокойную жизнь.

9 мая 1945 года. Светлое, солнечное утро, обещающий быть теплым и хорошим день. И вдруг... сообщение об ОКОНЧАНИИ ВОЙНЫ!!! Боже мой! Что тут было! Все кричали, неизвестно о чем, плакали, обнимались, целовались. Радости не было предела. Занятия в школе отменили, работу тоже, все собрались на митинг, прошла по улицам демонстрация, все чувствовали себя родными, близкими, радость переполняла всех от мала до велика, было и много слез. Те, кто потерял своих близких на войне, еще острее почувствовали свою боль и радовались победе со слезами на глазах. Таким вот полным яркого солнечного света и сияния человеческих глаз мне запомнился этот первый День без войны. До позднего вечера длилось уличное гулянье, праздник, изо всех окон в квартирах звучала музыка, песни, на улицах было настоящее «братание». Никогда больше в своей жизни я не видела такого всенародного ликования, как в тот день. В школе состоялся праздничный вечер с концертом, танцами, куда в порядке исключения допустили и нас, малышей (ведь нам было по 11 лет!). Запомнился, просто отпечатался в памяти этот особенный вечер, особенный концерт, особенные, радостные и счастливые лица людей. Радовались не только тому, что мы победили, не только концу войны, радовались тому, что закончились те страшные испытания, которые выпали на долю тех, кто пережил те сороковые, роковые... И мы, дети, хотя и не совсем осознанно, чувствовали эту радость, читали счастье на лице каждого человека и понимали, что такое всеобщее

ликование случается только при исключительно важных для людей обстоятельствах. Всего, что было пережито в этот день, не опишешь, да и времени прошло уже почти 70 лет. Но, несмотря на это, тот день, тот праздник, особенно те чувства запечатлелись в памяти так твердо, так свежо, будто это было вчера. И что важно: то, что случилось позднее, в мирное, благополучное время, не так запомнилось, как то, что происходило в тот день. Радости не было конца. Даже мы, малолетки, ходили гордые – победители! И хотя жилось все еще очень трудно, осознание того, что война окончилась, что мы победили, давало силы для преодоления всех неурядиц, которых в той жизни было предостаточно. Нехватка жилья, продуктов питания, одежды, нам, детям, книг, тетрадей, карандашей, чернил и т. д.

Писали мы, как я помню, на газетах. Сшивали из них нечто, похожее на тетрадь по размерам, и писали между печатных строк. Чернила мы делали сами, так: покупали на базаре у спекулянтов (у тех было все) чернильные карандаши (такие тогда были, немецкие), чиночкой строга́ли их в мелкие хлопья и растворяли водой. Чернила получались бледные, но мы были рады и таким. Не было и учебников. Один учебник выдавала учительница на 5 человек, живущих близко друг от друга. Вот и распределяли время, кто и когда к кому придет за учебниками. Но учились мы хорошо, была сильная тяга к знаниям. Радио у нас не было, оно появилось только в конце 1945 года, о телевизорах никто даже и не слышал, зато очень много читали, учили наизусть, писали пересказы и были вполне грамотными.

В октябре 1945 года с фронта пришел отец. Сколько было в семье счастья – не передать. Я взрослой уже поняла, почему так особенно радовалась мама. Ведь все четыре года она тащила на себе всю семью (а нас 4 человека), зарабатывала, распределяла, устраивала, т. е. выполняла и свою и мужскую работу.

С возвращением отца жизнь понемногу стала налаживаться.

В 1952 году я окончила школу – 10 классов, с медалью и поступила в Харьковский государственный университет им. А. М. Горького на исторический факультет, и в 1957 году получила диплом об окончании. Пять лет проработала в средней школе № 133 учителем истории, а в 1962 году была принята на кафедру общественных наук Харьковского инженерно-строительного института (ХИСИ), где проработала без малого 40 лет.

Так сложилась моя жизнь человека, ребенком пережившего войну и беды, которые она с собой принесла. И хочу в заключение сказать: жизнь очень сложна, искать легкие пути в ней не стоит, их нет! Все при желании преодолимо, но самое главное – нельзя допускать, чтобы вновь шла война, вновь лилась кровь и слезы. Пусть у нас останется один День Победы – 9 мая 1945 года.

Подготовила В. И. Астахова

ПОДРУЧНЯК ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА

Подручняк Л. А. родилась 28 апреля 1936 года в г. Харькове. В 1943 году пошла в 1-й класс школы № 52, которая тогда была семилеткой. Во время оккупации г. Харькова оставалась в городе.

Отец – Чепурко Андрей Федосеевич до ВОВ был кадровым военным – капитаном. После войны работал учителем физкультуры в харьковских школах № 7 и № 120.

Мать – Чепурко Мария Афанасьевна работала во время войны после освобождения Харькова на доставке хлеба (в то время эти работники были приравнены к военно-обязанным и имели при себе личное оружие).

Людмила Андреевна закончила геолого-географический факультет Харьковского государственного университета. Работала учителем и заместителем директора по воспитательной работе в Харьковской школе № 125, заведующей методическим кабинетом Дзержинского районного отдела образования, 13 лет работала директором школы, а затем учебно-воспитательного комплекса № 149 г. Харькова. Сейчас работает учителем в той же школе.

Награждена множеством грамот районного, городского, областного масштаба, грамотой Верховного Совета УССР, орденом «Знак Почета», значком «Отличник народного образования».

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Я долго себя спрашивала, каким я помню первый день после нашей Победы. Что было самым главным в жизни девятилетней девочки 10 мая 1945 года, жившей в городе Харькове.

Наверное, ничего особенного я не вспомню, по большей

части это были обычные бытовые заботы, но и было особенное ощущение восторга от свершившегося значимого события, того, о котором все последнее время говорили взрослые, говорили по радио, которого все с нетерпением ждали и твердили: «Скоро! Уже очень скоро!». Казалось, что когда наступит Победа, произойдет что-то необыкновенное, засияет в небе еще одно солнце.

Это был почти обычный учебный день, четверг. Я училась тогда во втором классе семилетней школы № 52. Утром, как обычно, я проснулась и стала собираться в школу. С вечера мама приготовила мне целый сверток, с которым тогда все дети ходили в школу: это было множество маленьких матерчатых мешочков, в которые нам в школе раскладывали наши пайки – соль, сахар, крупы, конфеты-подушечки, иногда консервы. Вкус этих конфет я помню до сих пор и, казалось тогда, не может быть ничего вкуснее их. Ведь за годы оккупации не то что конфет, сахара никто не видел.

В школе перед занятиями прошла линейка, на которой наш директор говорил о великой победе, достигнутой под руководством великого Сталина, всех поздравил и сказал, что теперь мы должны учиться еще лучше. А потом выступила семиклассница Валя К., вожатая нашего класса, и пообещала от имени всех великому Сталину и всему советскому народу, что мы все будем лучше учиться и работать. Голос ее звенел в гулком коридоре, мы все за ней подхватили: «Ура!».

Наша учительница Галина Васильевна, да и все одно-классники были в приподнятом радостном настроении. Все наперебой говорили о том, как теперь будет все хорошо, как вернуться с фронта отцы, которых они уже помнили с трудом. В нашем классе не все дети были одного возраста. Было много переростков – детей на два-три года старше, ведь во время войны в школу не ходили, и в нашем классе сидели дети, которым было 10–12 лет.

У многих детей были заплаканные глаза, они рассказывали,

как мама проплакала всю ночь, у этих одноклассников отцы, братья погибли на фронте, у некоторых умерли родные в оккупации.

Смешанные чувства были и у меня. После освобождения Харькова мы с мамой получили повестку, что отец, который воевал с первого дня войны, так как был кадровым военным, пропал без вести. Я тогда не очень понимала, как это человек может пропасть, смутно помнила последний отцовский уход ранним майским утром 1941 го-

да и его тихие слова, сказанные маме: «Муся, уходим на маневры далеко. Когда буду, не знаю». В памяти остался специфический запах сапог, португееи; кубики на петлицах. Я не видела отца уже четыре года, его образ расплылся в моем сознании.

Тогда, 10 мая, я даже не могла предположить, что не пройдет и нескольких месяцев и отец вернется, что больше трех лет он провел в плену и почти чудом остался жив после Вязьминского котла, когда контуженный попал в плен. Досталось отцу немало пережить – фашистские концлагеря в Восточной Пруссии, Баварии оставили страшные следы в душе и на теле. Отец привез с собой фотографии, которые сделали союзники – он в американской форме со своими товарищами в городе Бауцен на юге Германии.

Первый урок Галина Васильевна начала с того, что зачитала нам обращение И. В. Сталина к советскому народу, напечатанное в газете «Правда». Оно начиналось так: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день

победы над Германией. Фашистская Германия поставлена на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила о безоговорочной капитуляции...» и в конце: «Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой! С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы! Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом! Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!». В газете на первой полосе были большие портреты Сталина, Черчилля и Трумэна.

Мы слушали внимательно, хотя, конечно, не все понимали. Война теперь завершилась, больше не будет похоронок, наверное, скоро отменят карточки и появятся в магазинах материя, башмаки, мыло. Все изрядно обносились, все вещи у ребят пестрели разными заплатами, что-то было перешито-перелицовано из одежды старших, а на обувь было страшно смотреть. Но я тогда это воспринимала как должное, в моей сознательной жизни почти всегда и взрослые, и дети ходили в такой одежде и обуви. Вот моя сумка-ранец, с которой я ходила в школу. Мама ее пошила из куска старой парусины. Это было очень здорово, потому что у одноклассников такие сумки были пошиты из вафельных полотенец. А платье, в котором я ходила в школу, было из тех пайков, которые выдали мне и маме в военкомате после получения извещения об отце. Платье было красивое – американское, в клеточку. Таких платьев я больше не видела.

Наши довоенные вещи почти все – отцовские костюмы и брюки, рубашки, мамины кофты и платья, постельное белье – все ушли на «менку» во времена оккупации. Два года оккупации мама ходила менять вещи на продукты в села. Ходила далеко за 200–300 км, ходила летом и зимой, в слякоть и дождь. Это была единственная возможность не умереть от голода, ведь

немцы в город продовольствие если и завозили, то давали только тем, кто у них работал. На нашей улице жила такая женщина, которая работала в городской управе. Еда у нее была всегда. Была она недобрая и жадная, даже хвасталась собственным достатком в такое голодное время.

Иногда с «менки» люди не возвращались, пропадали; иногда у них забирали обмененные продукты те, кто был сильнее. Да и что это были за продукты! Пшеница, рожь, иногда просо, из них варили то, что называлось кулешом, просто вода с зерном, часто даже без соли. Но и этому были рады. Изредка удавалось выменять на мясокомбинате, который находился неподалеку и работал во время оккупации (фашисты тоже хотели есть колбасу и сосиски), какие-то мясные обрезки или шкварки. Но работавшие на мясокомбинате люди очень боялись что-то выносить – фашисты при поимке вора его расстреливали. Работавшие боялись, но все-таки несли.

Пока Галина Васильевна читала передовицу, многое вспомнилось из пережитого. Удивительно, как цепко детская память выхватывает и держит всю жизнь отдельные эпизоды. Я потом всегда задавала себе вопрос: почему именно это мне запомнилось? И так и не могла ответить на этот вопрос.

В нашем доме стояли на постое два офицера. Были они как в волшебной сказке – добрый и злой. Добрый, видимо вспоминая своих детей (показывал фото со своими детьми и своей фразой), иногда давал нам, детям – мне и моим двоюродным брату и сестре – что-то съестное. А однажды случилась беда. Офицеры получили посылку из дома и выложили ее содержимое на столе горкой – варенье в банках, плитки шоколада, конфеты в бумажных кульках и самое главное – кольца очень аппетитной, остропахнувшей колбасы. Мой двоюродный брат Женька, которому было тогда пять лет, долго ходил вокруг стола и не выдержал – взял кольцо колбасы, залез под кровать и быстро-быстро, давась и задыхаясь, ел. Он не успел доесть эту вкусную колбасу, когда пришел ее хозяин (на Женькино счастье это был

добрый офицер). Быстро увидев, что колбасы не хватает, он стал оглядываться и заглянул под кровать. За ухо вытащил уже плачущего испуганного Женьку, стал кричать и звать взрослых. Когда пришла Женькина мать, офицер ей очень выразительно показал и сказал, что нельзя воровать, и что если бы пришел другой офицер, то Женьку бы он расстрелял. Этот случай я всегда помню и как пример человечности на той страшной войне, и страшной голодной военной поры. . .

Поэтому ярко запомнилось еще одно событие, связанное именно с пропитанием. Когда в августе 1943 года Харьков окончательно освободили, нам повезло одним на всю улицу – у нас во дворе на несколько дней обосновалась полевая ротная кухня. Это нужно понять, как это было необыкновенно для нас: три раза в день кушать замечательную еду из солдатского котла. Ели то, что было страшно вкусно – суп, борщ, кашу с мясными консервами, с маслом, соленую, пахнущую дымком. Нам, детям, кашевар всегда накладывал полные миски и не забывал гладить по голове. Так мы блаженствовали несколько дней, и нам, детям, хватило этого, чтобы почувствовать себя счастливыми и сытыми. . .

Наверное, и тетради появятся для письма в школе. Сейчас пишем на обрывках старых газет, на всем, что дома найдем. Аккуратно и бережно носим чернильницу в мешочке, учительница наливает туда чернила из большой бутылки, которая стоит в классе.

В общем, сегодня не до учебы. Разревелась Вера П., вчера ей мама сказала правду о том, что ее отец умер в госпитале от ран и не вернется. А у Сережи К. отец вернулся без обеих ног, потерянных при форсировании Вислы. Отец запил горькую, бил мать, а Сережка с младшей сестрой обычно оттаскивали отца, поэтому он сидел хмурый, переживал, вспоминая об этом.

Теперь понимаю, что на детские плечи и души легли совсем недетские заботы и печали, как надо было рано взрослеть и учиться принимать печали.

Пришла домой раньше обычного. Бабушка покормила меня кулешом. Сделала уроки быстро, на улице ждали соседские ребята. Как всегда, играли в войну, прятались от бомбежек, все еще не отошли от войны и не скоро отойдем.

Поздно вечером с работы пришла уставшая мама. Принесла пайковой хлеб и повидло. Помню, как в темноте съела маленький кусочек хлеба с повидлом, это было необыкновенно вкусно. Засыпала с чувством, что все будет хорошо, найдется папа, привезет новую куклу взамен растрепанной застиранной тряпичной и жизнь дальше будет только радостная и спокойная. В это мы твердо верили все, и взрослые, и дети. И это усиливало остроту счастья от известия о Победе.

Подготовила Г. В. Крымская

ПОЛИНА ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА

Доцент общеакадемической кафедры английского языка, Отличник образования Украины, Почетный профессор НУА.

Полина В. С. родилась 19 ноября 1941 года в семье военнослужащего.

Закончила Харьковский государственный университет им. А. М. Горького по специальности «Романо-германские языки и литература».

Работает в ХГУ «НУА» с 1999 года.

Преподает общий курс английского языка, деловой английский язык, английский для профессиональных целей.

Имеет более 40 научных публикаций. Ежегодно осуществляет подготовку студентов к участию в англоязычной Международной студенческой конференции на базе ХГУ «НУА».

В настоящее время в рамках научно-методических исследований разрабатывает научную тематику «Формирование профессиональных навыков на занятиях по английскому языку».

О ДАЛЕКОМ И НЕЗАБЫВАЕМОМ

В 1941 году мой отец получил назначение служить летчиком-испытателем новых самолетов, которые собирались для фронта. Самолетостроительные заводы, как и другие промышленные предприятия, расположенные в европейской части Советского Союза, были срочно эвакуированы на восток в статусе военно-оборонных предприятий. Военный завод, к которому был приписан мой отец, перебазировался в одну из среднеазиатских республик. Отдельными эшелонами, в том числе и товарными поездами, добрались туда и семьи военнослужащих. В одной из них – у моей мамы – в пути родилась я.

Первые мои детские воспоминания связаны с деревянными щитовыми домиками, в одном из которых жили мы с мамой и папой, а в других – такие же семьи военных летчиков. Этот городок стоял в пыльной степи недалеко от аэродрома, под городом Ош в Южной Киргизии. Поселили нас в длинных, спешно построенных бараках посреди степи, куда один раз в месяц доставляли скромные продукты питания и медикаменты. Из продуктов я запомнила «чай», сделанный из сушеной полевой моркови. Она была такой сладкой, что успешно выполняла функции и заварки и сахара. Иногда нам, детям, давали по щепотке этой моркови вместо конфет.

На мам легла непосильная ноша: сохранить, выкормить и вырастить детей, быть моральной поддержкой своим мужьям – воинам и все время работать. Женщины в нашем бараке стирали, ремонтировали, перешивали обмундирование для солдат и офицеров, вязали носки из ниток, которые получали, распустив куски шинели, а для крепости вплетали в вязание тоненькие полосочки парашютного шелка. Такие же носки-валенки носили наши мамы и мы.

Вечерами, если был керосин в лампах или стеариновые свечи, одна из мам читала нам, детям, сказки. Когда же света не было, мамы рассказывали стихи на память или пели песни. Я долго не представляла себе обстановки, отличной от барачков и степи, одних и тех же людей в своем окружении. Были, правда, редкие гости. Женщины-киргизки с детьми приходили к нам и продавали или меняли продукты.

В одном ряду с жилыми домиками стояла летняя столовая. Это было место общения всех обитателей военного городка. По утрам включался большой черный репродуктор на столбе,

передавали сообщения из Москвы. Аэродром был рядом, и мы постоянно слышали гул самолетных двигателей.

Папу я видела редко, потому что он жил при летной части и в его обязанности входило не только испытание самолетов в разное время дня и при различных погодных условиях, но и «перегон» испытанных самолетов на фронт. Он был командиром эскадрильи, майором. Помню его в военной форме с кожаными ремнями и орденом Красной звезды, в галифе, усталого после работы. Приходили его друзья, они обсуждали подробности службы, о чем-то долго спорили.

Хотя мы формально жили в тылу и не подвергались бомбежкам или оккупации, но по большому счету победа ковалась и там тоже: тяжелый труд испытателя с ежедневным риском для жизни, краткие перерывы на сон, одни сутки на отдых с семьей перед отправкой испытанного самолета на фронт, нередкие случаи гибели летчиков на испытаниях – все это было тоже фронтом. Помню, что похорон и поминок было довольно много, все плакали и пахло чернобривцами.

Единственными цветами на все случаи жизни у нас были чернобривцы, которые росли в городке возле каждого домика и столовой. Их привезли с Украины в память о родине. Вокруг, в степи, росли полынь и ковыль, а летом и они выгорали. Весной степь покрывалась яркими цветочками, которые через пару недель исчезали.

Гибли летчики, разбился и мой крестный. На его похоронах меня посадили на лафет среди цветов по дороге на кладбище. Командир полка говорил: что же делать, это война, на фронте гибнут больше.

Человеческая память, как известно, носит избирательный характер, а детская и вовсе причудлива. Мы бережно храним кем-то отобранные отрывки, чтобы и семь десятилетий спустя яркий калейдоскоп детского «ретро» складывал неожиданные узоры в размытые картинки, которые нет-нет, да и всплывают

в моем сознании. Утра в детстве, как правило, радостные. Мир чувств и восприятий ребенка настолько чист, что начало дня не может быть мрачным... Мысли были такие: много дней подряд – мамины грустные глаза – не понимала причины. И вдруг – необъяснимая радость и счастье в мамином взгляде.

В тот день, когда закончилась война, по репродуктору громко говорили об этом, все время звучала музыка, играл духовой оркестр, толпились люди. Они поздравляли друг друга, весело смеялись, некоторые плакали. Приехали киргизы, привезли с собой сыр, молоко, хлеб. Возле летней столовой накрыли столы с едой и выпивкой. За многие годы это был первый настоящий праздник, женщины в летних нарядных платьях, мужчины, красивые – в парадной форме и фуражках, веселые дети, которые не сидели на месте, бегали и весело смеялись. И больше всего, наверное, радовались радости взрослых, вместе с которыми кричали и ликовали.

Подготовила Т. Н. Ена

ПУГАЧ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ

Пугач Е. П., 1935 года рождения, закончил в 1959 году исторический факультет Харьковского университета, работал секретарем Дзержинского райкома комсомола г. Харькова, после окончания аспирантуры в 1966 г. работал преподавателем кафедры новой и новейшей истории университета, в 1968 г. защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата исторических наук и звание доцента. С 2000 г., после утверждения в звании профессора, работает на этой

должности. В настоящее время имеет почетное звание Заслуженный работник высшей школы и Отличник образования Украины. Параллельно с преподавательской и научной работой в университете работал деканом, секретарем парткома, проректором по учебной работе, заведующим кафедрой, генеральным директором Музейного комплекса университета.

ДЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ

Как бы там в наши дни ни называли войну 1941–1945 гг., но для меня она была Великой Отечественной, так как на ее фронтах воевали мой отец, два брата и сестра моей матери. Отец и один дядя сложили головы на полях сражений.

22 июня 1941 г. мы поехали в районный центр Красноград провожать младшего брата матери в ряды Красной армии и там узнали о нападении Германии на нашу страну. А в сентябре мы поредевшей семьей попытались уехать в эвакуацию. Навсегда в моей памяти остался пожар на бывшем элеваторе и на других хозяйственных объектах. В последний уходящий поезд мы не

попали, а на следующий день узнали, что его разбомбила немецкая авиация...

Возвратились в с. Петровское Красноградского района Харьковской области, где жили дедушка и бабушка. Там я и прожил годы немецкой оккупации и первые послевоенные годы, а в возрасте 14 лет уехал на учебу.

Это была маленькая деревушка в 80 хат на отдалении 12 км от районного центра. Проживали мы в глиняной мазанке, состоящей из двух комнат. Семья состояла из шестидесятилетних дедушки и бабушки, моей матери, инвалида третьей группы, меня и годовалой двоюродной сестренки, которую ее родители-медработники, уходя на фронт, оставили на попечение дедушки и бабушки.

Немецкая оккупация продолжалась для нас два года (с сентября 1941 до сентября 1943 года). Старшие члены семьи нигде не работали. Существовали мы за счет огорода и нескольких клочков земли, перекопанных дедушкой и бабушкой на соседнем, заросшем бурьянами, колхозном поле. Кормилицей, особенно нас детей, была корова, которую прятали в лесополосе, когда в село заезжали немцы.

Впервые немцы появились в сентябре 1941 г., когда здесь проходила линия фронта. В деревне они стояли всего несколько дней, но у меня остались тяжелые воспоминания. Два немца-квартирера шли к нам от соседей, и несколько собак стали их облаивать. По сельскому обычаю, когда идет чужой во двор, собак следовало отогнать. Я и стал это делать, а один из немцев вынул пистолет и открыл стрельбу по собакам, которые стали прятаться за моей спиной. Немец был метким стрелком и перестрелял их у моих ног. Как я остался цел – не знаю, но затем много лет кричал во сне. Немец подошел, погладил меня по голове и дал мне конфету. Таково было первое знакомство с оккупантами...

Второй раз летом 1942 г. в селе расположилась на отдых

немецкая авторота, и в нашем дворе стоял огромный грузовик, а два его шофера проживали в хате, вытеснив нас в сарай. Немцы вели себя миролюбиво, рассказывали, что до войны были простыми рабочими, показывали фотографии своих семей, гладили по головке двухлетнюю сестренку, дарили ей конфеты, а мне давали доедать консервы. Они даже приручили к себе нашего «бобика». На выгоне они оборудовали хра-

нилище горючего и по очереди его охраняли. Наши «постояльцы», когда уходили ночью на охрану, брали с собой «бобика» и потом говорили: «Шульц спит, а собака «гав-гав» и он кричит: «Хенде-хох!». Позже мы случайно узнали, что эта авторота почти полностью погибла на Сталинградском фронте.

Постоянно немцы больше в селе не стояли. Правда, из районного центра иногда приезжали на мотоциклах эсесовцы, чтобы отобрать яйца и пострелять кур.

Еще мне запомнилось, как поздней осенью 1941 г. по ночам заходили одинокие советские офицеры и солдаты, которые выходили из окружения к линии фронта. Бабушка их кормила, чем могла, иногда они оставались на ночлег. Старшие приказывали нам никому не говорить о ночных гостях.

Последние воспоминания о немцах у меня связаны с их отступлением в сентябре 1943 г. Как-то под вечер появились в селе несколько немецких верховых, задачей которых был поджог домов. Когда они появились в нашем дворе, то возле хаты

стояла наша бабушка, мама-инвалид и я с маленькой сестренкой. Посмотрев на нас, немцы не стали поджигать крышу нашей мазанки; а половина хат в селе было сожжено...

Всю ночь мы не спали, а под утро слышали русскую речь. Это в село вступили советские солдаты, несшие на плечах тяжелые минометы, пулеметы и боеприпасы. Их угощали, чем могли, а сколько было радости и слез!

После освобождения возобновил работу колхоз, начались занятия в сельской начальной школе, стали приходить письма с фронта. Они приносили не только радость, но и печаль, когда в конверте оказывалась похоронка. На наш запрос и мы получили официальное извещение, что мой отец погиб на фронте еще в 1941 году.

А вот о судьбе самого младшего брата маме сообщили, что он «пропал без вести» в 1941 году. В начале 1945 г. в село стали приходить посылки с фронта, возвратились домой некоторые односельчане-инвалиды.

Осенью 1943 г. я пошел учиться сразу во второй класс нашей сельской школы, в которой мама стала работать учительницей. Мы с интересом слушали рассказы бывших фронтовиков, обсуждение старшими новостей с фронта, вычитанных из газет; радио в селе не было. Жили трудно, но жили с надеждой на лучшее будущее после завершения войны.

Рано утром 9 мая 1945 г. приехал представитель сельсовета с сообщением о Победе и пригласил всех на митинг в соседнее село в трех километрах от нашего. Все ученики нашей школы с букетами сирени строем с красным знаменем отправились на митинг. Он состоялся у братской могилы погибших красноармейцев. Все выступавшие говорили о подвиге советского народа, о великой Победе, о начале мирной жизни, о возвращении отцов, мужей, братьев.

Мы, школьники, впервые видели такое большое количество людей, радость и грусть на их лицах. Те из нас, кто знал, что их

отцы живы, с радостью говорили об их скором возвращении домой, а остальные ждали с надеждой возвращения близких людей. Большое впечатление на школьников произвели выступления бывших фронтовиков, чьи груди были украшены многочисленными орденами и медалями, нашивками о ранениях.

Летом и осенью 1945 года стали возвращаться из госпиталей и по демобилизации фронтовики-односельчане. Ждали даже тех, на кого пришли похоронки, надеясь на чудо, но в нашем селе его не произошло.

В сердцах матерей и нас, детей войны, навсегда осталась глубокая рана и печаль о невозвратившихся с войны мужьях и отцах. Впереди были трудные годы восстановления страны, годы мужания и учебы. На этом пути наше государство поддерживало нас, сирот и полусирот, как могло; высокое чувство патриотизма и коллективизма, царившее в те годы в обществе, помогло большинству из нас получить образование, специальность и стать полноценным и полноправным членом общества.

Подготовила В. Н. Билык

РЕВА АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

Рева А. И. родился в 1935 году. Отец работал в клубе для глухонемых, а мама – на швейной фабрике. В марте 1942 года в возрасте шести с половиной лет остался один и был направлен в детский дом в Сокольниках, где провел целый год. После войны учился в спецшколе-интернате с изучением английского языка. Окончил военно-морское училище, служил моряком-артиллеристом на подводной лодке, участвовал в испытаниях атомной бомбы. По болезни

ушел в отставку, поступил в технологический техникум на художника-модельера одежды. Всю жизнь проработал по специальности. Воспитал 4 дочерей.

Написал книгу «Трагедия в Сокольниках», где собрал воспоминания детей, переживших немецкую оккупацию Харькова в детском приюте, где многие из детей в возрасте от 4-х до 10-ти лет являлись донорами для немецких раненых.

НАШ ПОБЕДНЫЙ САЛЮТ

Ранние детские годы почти не помню. Но в памяти навсегда осталось время, когда Харьков заняли немцы.

Несмотря на упорное сопротивление советских войск и ожесточённые бои в центре и отдельных районах, 24–25 октября 1941 года Харьков был захвачен немецкими войсками. И потянулись для города два страшных года. 77% населения Харькова составляли наиболее уязвимые его категории – женщины, дети и старики. Условия жизни людей в оккупированном городе были чрезвычайно тяжёлыми. Главной проблемой в это время стал страшный голод. Люди ели

буквально всё: шелуху картофеля, кормовую свеклу, казеиновый клей, домашних животных.

В возрасте шести с половиной лет я остался один. Отца расстреляли, а мама на нервной почве ослепла и оказалась в больнице. В поисках еды я целыми днями скитался по Благовещенскому базару. Что-то продавал, кое-что выпрашивал. Подбирал объедки на земле и в мусорках. Оттуда меня и привели в детский дом в Сокольниках. Там я пробыл почти год, самый страшный год в моей жизни. Впоследствии я написал книгу «Трагедия в Сокольниках», где собрал воспоминания таких же как я детей, живших в приюте. О Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. написано много. И все равно еще целый ряд страниц ее истории остаются мало или совсем неизученными. К их числу относится и трагедия детского приюта в Сокольниках города Харькова, где умерли сотни ребят, у многих из которых брали кровь для раненых немецких летчиков; иных из них фашисты отправили в Германию, и их следы потерялись.

Всегда тяжело вспоминать детские годы, что-то забылось, а какие-то воспоминания, наоборот, с каждым годом становятся все навязчивее и страшнее. Помню свой детский панический ужас перед лесом. Опаснее его, мне казалось, просто ничего не было. А детский дом стоял как раз посреди парка. Поскольку нас не кормили, приходилось самим искать себе пропитание. И вот, каждый раз мне приходилось преодолевать свой страх перед лесом.

В приюте было холодно и грязно. Очень четко помню момент, когда воспитательница указала на пустую железную койку: «Здесь будешь спать! В сарае солома, набей ею мешок... Мягче будет лежать».

Утром опять приехала немецкая машина с красными крестами. Позвали меня к ней, голодного и дрожащего. Завели в машину. Я начал глазами обшаривать помещение в надежде

увидеть съестное. Но, увы! Ноздри щекотал знакомый запах, запомнившийся мне от посещения больницы с мамой. В салоне автобуса было чисто. Стоял стол, стул, какие-то предметы лежали на полочках в шкафчике.

Хозяйка салона в белом халате взяла мою руку, стянула жгутом и резко, как выстрел, скомандовала: «Отвернись!» Руке стало больно. Потом еще больней. Глаза заволок туман. Предметы начали исчезать. Темнота. Все исчезло. Только добрая жестяная кружка, мелко и часто стуча по зубам, вливала в рот теплую сладенькую водичку. «Жив! Спасибо, кружечка!»

Чего только мы не ели: и стручки акации, и липовый цвет, и желуди, и помидоры. Заглянули на помойку возле немецкой кухни, поковырялись в отбросах. Что нашли – съели.

В состоянии неопределенности проходил день за днем. Ни столовой, ни бани, ни смены белья не было. Впрочем, нас это и не интересовало. Нужна была еда. Только еда.

Так шло наше, уму непостижимое, существование в приюте. Пробыл я в этом аду до осени (октябрь) 1942 года. Сколько раз и какое количество крови взяли у меня? Не знаю. Справок гитлеровцы не давали. После всего этого я тяжело заболел.

Была осень. Няня Шура нашла меня в огороде и повела к главному корпусу. Смотрю – стоит моя мама и горько плачет. Объясняет знаками (она глухонемая) стоящим рядом с ней:

– Нет, это не мой сын! Толя умер, а вы привели чужого мальчика.

Стало обидно, что мама не признает меня, и очень страшно. Я так долго ее ждал, мучился. И, конечно, не понимал, что дистрофия так страшно может изменить ребенка, что родная мать его не признает.

Собрав все силенки, я стал убеждать маму. Язык глухонемых я знаю:

– Мамочка, родная! Тебя зовут Кира, по-гречески Кириакия. Ты – гречанка. Папа наш украинец – Ваня. Живем мы на улице Карла Маркса, 34. Папу весной убили немцы, ты попала

в больницу. А я вот сюда... Мамочка, не оставляй меня! Здесь очень страшно. Здесь плохо. Здесь я скоро умру...

...а сам плачу и плачу.

Медленно, с большим трудом, мама узнавала в этом плачущем дистрофике своего Толика. И когда убедилась, что рыдающий заморыш, еле стоящий перед ней на ногах, ее сын, сразу же забрала из этого ада. Взяла

меня на руки и от Сокольников до Южного вокзала несла на руках. Несла, как самую драгоценную ношу. Можно считать – родила второй раз.

Мне очень хотелось бы рассказать о двух очень важных днях в моей жизни – это день, когда освободили Харьков, и День Победы.

Перед освобождением Харькова я находился в карантине на ул. Данилевского. Рано утром пришла повариха и говорит, что пришли наши. Все как были в маечках, трусиках, бросились на площадь. Два ярких момента врезались в память. Это грузовик с яблоками на одной из улиц. Мне тогда казалось, что красивее и сочнее яблок я не видел. Они лежали, поблескивая своими сочными боками. Солдат, сидящий в грузовике, насыпал мне полную сумку от противогаса, и я бежал с этими яблоками. Мы все дружно их грызли, перепачканные сладким соком, но

безумно счастливые. Бегали по площади, где наши солдаты устанавливали прожектора с «катюш». Мне даже разрешили залезть на машину. Еще помню, как мы с друзьями ловили обезьянку местного художника-карикатуриста. Мне даже удалось подержать ее на руках, она мелко дрожала и все время царапалась.

О Дне Победы я узнал, когда в среду пришел в школу. Не успел зайти в класс, как повсюду услышал крики: «Мы победили!» Конечно, ни о каких занятиях речь уже не шла. Как всегда, мы все ринулись на главную площадь Харькова. Такого восторга на лицах окружающих я больше не видел никогда. На площади было очень много народа. Постоянно стреляли вверх. Было очень шумно и радостно. Где-то играли гармошки, все что-то пели. Причем мы подпевали то одним, то другим. Я даже не помню, что мы тогда пели, что-то веселое и громкое. Мы весь день провели, бегая от одной машины к другой. Нас какие-то солдаты накормили тушенкой с черным хлебом. А потом был салют. Красивее того салюта я не видел никогда. Даже сегодня со всеми современными спецэффектами ни один салют не сравнится с тем – победным.

Мы победили! Мы – солдаты и офицеры, дети и старики, русские, украинцы, евреи, татары – все! Мы победили! И это был салют во имя каждого из нас. И потому он неповторим.

Очень хочется, чтобы сегодня люди испытали те же чувства, что и мы, когда смотрели в небо на этот салют. Может, тогда бы слова «мир», «свобода», «жизнь» не были просто словами, а несли в себе глубокий смысл и гораздо больше ценились.

Подготовила С. А. Быкова

РУСКОВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА

Рускова (до замужества – Емельянова) О. М. родилась 30 марта 1925 года в г. Харькове.

В 1933 году пошла в 1-й класс школы № 60, затем училась в Краснознаменной школе № 126.

В 1941 г. окончила 8 классов.

Осталась с семьей в оккупированном Харькове.

В августе 1943 г. познакомилась с будущим мужем, Сергеем Русковым, когда его дивизию расквартировали в городе (он был поселен в их

доме).

После освобождения Харькова окончила курсы медсестер. Работала в прифронтовом госпитале 2-го Украинского фронта. До 1946 года работала в местном эвакогоспитале № 5978, а после его расформирования – в отделе эвакогоспиталей.

После завершения войны закончила фельдшерское училище.

В 1946 г. Сергей Русков, с которым она переписывалась всю войну, приехал в Харьков, и они создали семью.

С мужем-военным жили во многих уголках Советского Союза: в г. Коломые, г. Золочеве Львовской области, на военных базах в сибирской тайге, в г. Владивостоке.

Во Владивостоке работала фельдшером при воинской части.

В 1958 г. мужа демобилизовали, и семья переехала в Харьков, где она продолжала работать медсестрой в 1-й и 26-й поликлиниках.

В 1982-м году вышла на пенсию.

В 1946 г. была награждена медалью «За Победу над Германией».

Ветеран войны.

С мужем вырастили двух сыновей, есть внучка и правнуки.

Я БЫЛА НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ...

...Я работала в госпитале, когда в 6 часов утра, 9 мая 1945 года, объявили, что война закончилась, что настал День Победы! Передать эти чувства радости, охватившие всех, невозможно! Мы обнимались, целовали друг друга, поздравляли всех, кто был рядом. Начальник госпиталя ходил по палатам и всех лично поздравлял!

В июне 45-го я сопровождала раненых нашего госпиталя, который расформировали, в Москву.

Мы приехали в тот день, когда был парад Победы, 24-го июня. И я попала на парад: видела, как шли наши войска, как к Мавзолею бросали немецкие штандарты. Впервые видела Сталина, Ворошилова, Молотова. Парад принимал Жуков на белом коне (теперь же принимают парады на машинах).

А вечером на Красной площади был необыкновенный фейерверк, народное гулянье, море радостных, счастливых лиц (вот так, как показывают в кино те дни). Все это в моей памяти осталось на всю жизнь!

Но путь к этой Победе был очень трудным ...

Когда началась война, я только закончила 8-й класс, мне было 16 лет.

Всех старшеклассников Харькова в конце июня (Харьков уже бомбили) отправили на сельхозработы в колхозы Харьковской области, километрах в сорока от города. Там мы были до конца сентября.

24 октября 1941 г. немцы вошли в Харьков, и начался настоящий ад: облавы, расстрелы, предательства и зверства полицаев, голод, холод, поездка с молодежью на принудительные работы в Германию (мне чудом удалось избежать этого). Но горя мы хлебнули с лихвой: арестовали папу, т. к. кто-то из полицаев заявил, что он – еврей. Его возили в Красноград на

Рускова О. М.
Харьков, 1941 г.

экспертизу (до этого я не слышала даже этого слова – «экспертиза»). И все-таки потом отца отпустили. Мама заболела тифом.

И постоянные облавы, когда немцы искали партизан... и расстреливали всех раненых, которых прятали люди...

В мае 1942 г. нам удалось уехать в село Кегичевка к родственникам (в селе все-таки не было так голодно).

В Кегичевке и вокруг тоже шли страшные бои: село переходило из

рук в руки; вокруг горели села, наши войска попали в окружение, все были расстреляны... Местные жители под страхом смерти хоронили мертвых, а раненых разбирали по домам и ухаживали за ними.

Вот здесь и начался мой путь в медицину: рядом с нами жила женщина-фельдшер. И я с ней ходила перевязывать раненых. Ходили, как говорится, по лезвию бритвы, т. к. в любую минуту могли появиться или немцы, или полицаи. Однажды, например, мы только закончили перевязку и спрятали раненых, как появились эсесовцы. Фельдшер успела спрятать все перевязочные материалы в сельскую печку.

И таких случаев опасности было не счесть...

Помню, например, как мы работали на постройке барачков вместе с поляками, которые к нам очень плохо относились, а немцы заставляли нас, молодых девчонок, носить кирпичи, цемент, груды песка...

А однажды полицай заставлял меня мыть ноги очень толстому немцу, который руководил постройкой барачков... Мыть ноги немцу? Ни за что! И я сбежала! Но полицайи нашли меня

и повели в жандармерию. На мое счастье, там не оказалось начальника жандармерии. А те, кто там находились, в это время были в хорошем настроении, и меня отпустили, т. к. я им показала справку, что у меня больной желудок, и мне нельзя выполнять тяжелые работы.

...В феврале 1943-го в Харьков впервые вошли советские войска, но силы были неравные, пришлось отступить, многие попали в окружение и были расстреляны. Здесь в боях погиб Ахсаров, командир 227-го полка, где мой будущий муж был начальником снабжения полка.

Позже муж рассказывал, что когда в начале марта они отступали, он зашел в какую-то хату, где была женщина с маленькими детьми. Только уснул, услышал сквозь сон немецкую речь; но ему чудом удалось незаметно выбраться из дома, а потом догнать свою часть, очень поредевшую после боев... Повезло!

Когда в августе 43-го освободили Харьков, наша семья возвратилась домой.

Я всегда хотела быть врачом. Но так как я окончила только 8 классов, поступила в медучилище. А по ночам мы все работали в госпиталях: в госпитале 1-го Украинского фронта, а когда этот госпиталь передислоцировался, был другой – 2948, в нем я проработала до его расформирования в 1946 году. Именно из этого госпиталя я сопровождала раненых в Москву, где мне и посчастливилось поучаствовать в дорогом каждому Параде Победы!

Как-то внуку дали задание написать об известном человеке. Внук сказал: «Я буду писать про дедушку Сережу» (мой муж). Он дважды освобождал Харьков, освобождал многие страны... В мае 45-го освобождал Прагу, где его ранило в голову. После операции мужа отправляли в глубокий тыл, но он категорически не захотел уезжать из своей дивизии, от своих побратимов.

После войны воинов их дивизии приглашали в Чехословакию, они встречались в местах, где воевали в последние дни войны.

В 1985 году на 40-летие Победы в Харьков съехалась вся дивизия, со всего Советского Союза, это было 4 июня, а 5 июня муж умер, ему было 66 лет. Как старшего офицера его хоронили со всеми почестями, военным оркестром, эскортом... так закончились, с друзьями военных лет, его мирные дни, которые он завоевал своим сердцем и кровью.

А я в мирное время продолжала работать в разных медицинских учреждениях родного Харькова.

Подготовила В. Н. Билык

СОБОЛЕВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Соболев В. А. родился 13 сентября 1941 года в городе Ленкорань Азербайджанской ССР. В шесть лет остался без отца. В школу пошел в 1948 году. Образование неполное среднее. В 1958 году поступил работать на стройку Кура-Араксводстрой мелиорации в Ленкорани. Работал в разных организациях, в том числе и в воинских частях – вольнонаемным. В Харьков переехал в 2000 году. Поступил на работу в ХГУ «НУА» в 2006 году.

ВОЙНА ИЗ НАШЕЙ ПАМЯТИ УЙТИ НЕ МОЖЕТ

Я родился в 1941-м году в Азербайджане. Казалось, что война, которая охватила страну с юга до севера, «не достанет» нас там, в небольшом городишке Ленкорань, на берегу Каспийского моря, в 40 километрах от границы с Ираном, что она далеко и вряд ли коснется нас.

Но она никого не пощадила. Фашисты рвались на Кавказ. Все родственники, мужчины призывного возраста, и мой отец ушли на фронт. С фронта вернулись единицы.

Из своего далекого детства помню, как мама все время была озабочена тем, чтобы накормить нас – детей. Она что-то меняла, придумывала, чтобы мы не голодали. Все домашние вещи и ценности были поменяны на крохи хлеба и муки. Хлеб был самым дорогим, мы думали о нем постоянно. Дело в том, что в Азербайджане в те времена пшеницу почти не сеяли, в основном занимались выращиванием хлопка. А в нашем городишке был один-единственный консервный завод,

продукцию которого отправляли на фронт. Поэтому нам, детям, хлеб только снился. Мы в основном были заняты тем, что старались найти что-нибудь, чтобы утолить чувство голода. Летом было проще: ходили в лес за ежевикой, ловили рыбу, зимой становилось особенно трудно. Городок как будто замирал. В нем было очень тоскливо, казалось, что он оторван от большой жизни, люди чувствовали себя одинокими, потерянными. Где-то шла война, хорошие новости к нам не доходили, а плохие... О них мы узнавали, когда с фронта приходили похоронки.

После войны было немного легче, отменили карточки на хлеб, но все равно было трудно.

Известие о победе над фашистами люди встречали очень взволнованно, радостно и тревожно. В первую очередь, думали

В. Соболев, 6 лет, с младшим братом и соседскими ребятами.
Праздник Нового года

о своих близких: «Жив ли? Вернется ли?» Помню, громко играла музыка, женщины танцевали, смеялись. Многие плакали. Возвращались с войны немногие и в большинстве покалеченные. Отец пришел с войны в 1946 году, а в 1948 году умер – сказалось тяжелое ранение, а он не щадил себя, много работал, чтобы прокормить семью.

Жизнь продолжалась, и мы старались как-то делать все по заведенному порядку, не опускать руки. Когда я пошел в школу, мне пошили

портфель и сапоги из клеенки, которой накрывали стол и из которой шили фартуки. Впрочем, этим никого нельзя было удивить. Все люди жили очень бедно, не сводили концы с концами. Поэтому дети приходили в школу кто в чем мог. Кажется, что мы не жили, а старались пережить это время.

Я не помню, чтобы отмечали праздники, дни рождения. Единственный Новый год из моего детства мы праздновали уже после войны, когда сосед принес высоченную, до самого потолка елку, и мы дружно наряжали ее самодельными игрушками. Мы чувствовали себя счастливыми, нам было весело. Потом эта елка стояла у нас до самого лета, и птицы вили на ней гнезда. Наверное, с того времени и до сих пор я люблю этот праздник больше других.

Но День Победы – это особое торжество, которое невозможно ставить в ряд с другими. Это праздник, который определил все последующие события, всю жизнь людей. И с годами значимость этого Дня осознается все глубже и полнее как судьбоносное событие для всех и доселе живущих на Земле.

Подготовила Т. Н. Ена

СУХИНА ВАЛЕНТИНА ФЕОФАНОВНА

Сухина (Ульянченко) В. Ф., доктор философских наук, профессор. Родилась 5 ноября 1940 года в г. Харькове, в семье школьных учителей. В 1957 году окончила Харьковскую среднюю школу № 7 с золотой медалью.

В 1962 году окончила Харьковский государственный университет им. А. М. Горького (механико-математический факультет).

В 1974 году защитила кандидатскую, а в 1993 году – докторскую диссертацию на тему «Методологические

и социокультурные основы информатики». Работала в Харьковском государственном университете им. А. М. Горького. С 1994 года – профессор кафедры теории культуры и философии науки.

В Народной украинской академии – с 1997 года. В течение 12 лет работала заведующей кафедрой философии (позже кафедрой философии и естественнонаучных дисциплин), с 2008 года – профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Подготовила 6 кандидатов и одного доктора философских наук.

Занимается научными исследованиями в области науки и техники, методологии науки, философской антропологии, философии образования и культуры, социальной философии. Имеет более 150 публикаций, в том числе 20 методических изданий.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БЕЗ ЧУВСТВА СТРАХА

9 мая 1945 года мне было 4,5 года. Поэтому трудно сказать, что было моими воспоминаниями об этом дне, а что навеяно родителями и близкими родственниками, их воспоминаниями и рассказами, их эмоциями и переживаниями. Со временем все

смешалось, у меня сложились как бы свои представления и фрагментарные впечатления и о войне, и о Дне Победы.

Война в моем сознании ассоциировалась с большой бедой, мрачным полуголодным существованием, гибелью моего дяди – моряка Балтийского флота. Ранение и контузия моего отца в первые месяцы войны отразились на его здоровье до самых последних дней.

Я – коренная харьковчанка, и случилось так, что во время войны мы не смогли выехать из города и остались на территории, оккупированной фашистами. Жили мы одной многочисленной семьей с маминими родителями, вместе с другими их детьми. Основное чувство, связанное с войной, это страх – страх свиста пуль, грохота взрывов, страх встречи с фрицами. Осталось в памяти несколько таких сцен. Например, когда мама долго стучала в калитку и окна нашего дома (а я была у нее на руках), но нас не слышали, т. к. было предупреждение о вражеском налете и все спустились в погреб, который служил нам бомбоубежищем. И как только соседка открыла нам дверь во двор, раздался сильный взрыв на том месте, где мы только что стояли. Другая сцена – встреча с фрицем во дворе, когда меня выпустили погулять. Он почему-то сидел около нашего погреба и, казалось, хотел со мной поговорить, когда я проходила мимо. Остались в памяти напряженные ожидания возвращения домой тех наших родственников, которые ходили «на менку» товаров на продукты, чтобы как-то выжить.

Но самое яркое впечатление – это переживания первого дня без войны, Дня Великой Победы. Все выходили на улицу,

радовались друг другу, улыбались, обнимались. Особая атмосфера царила на площади имени Дзержинского (ныне площадь Свободы), куда отовсюду стекались люди и где царило всеобщее ликование. Туда отправились и члены нашей семьи, прихватив меня с собой. Сохранилось в сознании чувство безмятежной радости, когда казалось, что уже нет и никогда не будет ничего плохого.

Муж вспоминает, что в этот день было прохладно и женщины их села в Боровском районе шли на митинг в соседнюю деревню в сапогах, фуфайках и теплых платках, а у меня осталось впечатление, что был очень светлый день и тепло ощущалось не только в природе, но и в наших душах.

Сейчас, в 2014 году, мы переживаем тревожное и смутное время, когда в юго-восточных регионах нашей страны разворачиваются, по сути, военные события, связанные с попытками некоторых сил нарушить территориальное единство Украины. Невольно возникают параллели с военной ситуацией «давно минувших дней». Люди гибнут, как на войне, – и это страшно. Опять страх, как змея, заползает в наши души – страх за страну, за себя, за своих близких. Но мы уже не дети и не должны быть парализованы страхом. Невольно думаешь, как о самом великом благе, о том дне, когда проснешься без этого щемящего чувства тоски, – первом дне после войны.

Подготовила Т. Н. Ена

ТЕРНОВЕНКО АНАТОЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ

Терновенко А. Г. родился 15 сентября 1924 года в г. Синельниково Днепропетровской области. В 1941 году закончил 10 классов СШ № 73. До 1943 г. жил в оккупированном городе. После освобождения Днепропетровска призван в армию. Окончил полковую школу в звании сержанта и стал артиллеристом, командиром орудия «сорокапятки». Как комсомолец, спортсмен, доброволец переведен во вторую Гвардейскую дивизию. Попал в разведку. В этой дивизии и закончил войну.

После демобилизации закончил Львовский медицинский институт, потом курсы по рентгенологии в Киевском институте усовершенствования врачей. Проработал врачом-рентгенологом свыше 50 лет. Ныне – полковник медицинской службы в отставке.

Награжден орденом Славы 3-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом «За мужество», орденом Богдана Хмельницкого.

ПОБЕДНЫЙ САЛЮТ

Заканчивал я свой боевой путь в горных районах Чехословакии, воевал на 4-м Украинском фронте, служил разведчиком в дивизионной разведке Военно-воздушной десантной дивизии. Где-то вдалеке, на фронтах гремели бои, а у нас, разведчиков, была своя война, как передавали по радио: «Шли бои местного значения».

В майские дни 1945-го немцы уже только оборонялись. Немецкие войска под командованием фельдмаршала Шернера отступали с боями, намереваясь сдаться американцам. Днем

иногда яростно, иногда вяло, но не сдавались, упорно отстаивали свои позиции. На ночь оставляли несколько своих пулеметчиков и создавали видимость боевых действий, а под утро пулеметчики уезжали в тыл. Так было изо дня в день. Фронт в любое время дня и ночи шумел, гремел, гроыхал. Казалось, этому не будет конца. О том, что был день 9 мая, что война закончилась, мы и не подозревали. Мы не знали, какой день недели, какое число, бои не прекращались ни на минуту...

И вдруг наступила тишина. Фронт замолчал. Это было неожиданно, неправдоподобно и непривычно. Полная, звенящая, пронзительная тишина. В штаб дивизии вдруг вызвали младшего лейтенанта Григория Шепера – Кавалера всех орденов Славы – и объявили, что он включен в группу офицеров, которые пойдут принимать у немцев капитуляцию.

Вот тогда-то нам и объявили: «Война закончилась!». И тут началось что-то невероятное. Фронт вновь ожил. Он словно взорвался: казалось, палили тысячи орудий, но это были залпы

Май 1945 года. Слева второй (стоит) – А. Г. Терновенко

Победы. Несколько минут продолжалась стрельба, а потом – радостные и возбужденные лица, слова поздравлений, объятия, смех и слезы. Многие тут же садились писать письма домой, родным, делились радостью, кто-то уединялся, смахивая слезы горя от потери близких, кто-то тут же начинал мечтать, строить планы на будущее. Радостью и гордостью наполнялись наши сердца еще и от того, что очень благодарны были нам, освободителям, местные жители. Нас угощали чем могли, расспрашивали подробнее о событиях, девушки дарили цветы, приветствовали возгласами: «Да здравствует Красная Армия!».

А потом была передышка, начались обычные будни. Каждый день приезжал «мыльный пузырь» – банно-прачечный отряд. Всех со скандалом подстригли (во время войны единственным подразделением нестриженных были разведчики), забрали старую одежду и выдали новое обмундирование. Переодетые и подстриженные, мы не узнавали друг друга, смеялись, подшучивали над собой и над товарищами. Пришивались погоны, сержантские ленточки. Тогда я и пришел три полоски гвардии сержанта. Потом начались учения, политинформации, сдача своего нетабельного оружия.

Целый месяц еще мы пробыли в Чехословакии, а потом нам объявили, что наша дивизия, сформированная в 1943 году по приказу Сталина, расформировывается и после пересечения границы Советского Союза мы переходим в 50-ю дивизию.

Сегодня из боевых товарищей разведотдела остались в живых двое – я да москвич Е. И. Малашенко, ныне генерал-лейтенант. С ним мы и поддерживаем отношения до сих пор.

Подготовила Т. Н. Ена

ФЕТИСОВА МАРИЯ ПЕТРОВНА

Фетисова М. П. родилась 6 июня 1926 года в Ленинграде. После войны закончила экономический техникум, работала бухгалтером, экономистом. После замужества переехала в Харьков. На протяжении всей жизни занималась общественной работой. Двадцать лет – бессменный председатель общества жителей блокадного Ленинграда. Награждена Почетным знаком Харьковской областной государственной администрации и областного совета «Слобожанська

слава», Почетной грамотой городского головы, медалью «Блокадное братство» и др.

СЧАСТЬЕ И БОЛЬ ПОБЕДЫ

Столько лет прошло, а я и сегодня не могу без боли и слёз вспоминать те страшные, голодные годы в блокадном Ленинграде. Я была уже взрослой девочкой, мне было 15 лет в том далеком 41-м. Я ходила в школу, у меня было много подруг. Мы мечтали о будущем, строили планы, связывали свою жизнь непременно с родным городом. Самые счастливые годы жизни раннего детства связаны именно с Ленинградом. Мы жили в центре города. Дом, который очень любили, парк, карусели, мороженое – казалось, так будет всегда. Счастливое время... И никто не знал, и не мог предвидеть, какой ужас и мучения несет война и что ждёт впереди ленинградцев...

8 сентября враг вплотную подошел к городу. Началась блокада Ленинграда. Все мы тогда – и взрослые, и дети – были растеряны, напуганы, но самое страшное для ленинградцев только начиналось. Вначале казалось, что в жизни города ничего

не изменилось. Только слышны были взрывы бомб, по ночам ревели немецкие самолёты, сбрасывали на город фугаски. Люди стали серьёзными, озабоченными, тихо разговаривали, всё время слушали сообщения с фронтов, а они были неутешительными.

По-прежнему люди ходили на работу, работали магазины. Но это было только вначале. . . Оторванный, взятый в кольцо город медленно умирал от голода. Всё чаще на улицах можно было видеть обессиленных умирающих людей.

В нашу семью война ворвалась сразу: один из братьев погиб при эвакуации авиазавода сразу, в самом начале войны. Второй – пропал без вести. А дальше – как в дневнике Тани Савичевой. Дедушка и бабушка умерли от голода в декабре 41-го, мама умерла 19 марта, папа по дороге на завод замёрз 25 марта 1942 года. Погибли все близкие мне люди – кто от голода, кто замёрз. Осталась я и мой братик Павлик десяти лет. В 15 лет я стала ему матерью.

По ночам мы стояли в очереди за хлебом. Часто люди падали от голода и умирали тут же, так и не получив свои 125 граммов хлеба. Днём ходили на сожжённые Бадаевские склады – там была жирная сладкая земля, которую привозили кусками, потом размораживали.

В 1942-м году мы, комсомольцы, стали формировать батальоны по освобождению квартир от трупов. То, чего насмотрелись, не забудется никогда. В городе хозяевами стали крысы, зажавшиеся пантеры, которые дырявили дома. Жуткое зрелище. Когда сняли блокаду Ленинграда, первое, что везли в город – 4 вагона кошек, чтобы освободить город от нечисти, ведь травить её нельзя было. По ночам те, у кого оставались хоть какие-то силы, дежурили на крышах домов, сбрасывали фугаски. Часто подростки, да и взрослые, заснув или обессилив, скатывались с крыш. . .

Когда наступил первый день после войны и было объявлено о победе, я плакала несколько дней подряд, не могла

остановиться. Почему? Ответить до сих пор трудно. Горечь, пустота были в моём детском сердце, какое-то ощущение невесомости, только в голове одна мысль: у других хоть кто-то вернулся с фронта, а у нас с братом никого не осталось в живых, все погибли в блокаду. Мы долго не выходили из дома, плакали.

Отчаянье, слёзы, обида, ощущение несправедливости – всё, что могут испытывать дети, у которых за спиной страшные годы, а впереди – жизнь сирот и неизвестность. Война разрушила нашу семью, исковеркала наши души, забрала самое дорогое – жизнь отца и мамы, братьев... Раненная в ногу в 1942-м на Невском, осталась инвалидом 1-й группы на всю жизнь.

Но надо было жить, заботиться о младшем брате: кормить его, одевать и учить. Теперь я только отвечала за его будущее. Не знаю, откуда брались силы, но я пошла учиться, закончила техникум, получила профессию, вышла замуж.

Брат вырос, закончил институт. Судьба забросила нас на Украину, где мы и прожили с ним много лет.

Сейчас у меня много времени. Ночью во сне или в бессонницу часто приходит блокада... Вспоминаю подруг Ниночку и Сарочку, которые приносили «для тёти Любы» – моей умирающей мамы 20 граммов растительного масла, горсточку пшена, тайно взятого из дома. Мама была удивительным человеком. Болью осталось на всю жизнь, как она отдаёт свой хлеб нам, детям, а сама умирает от голода. Много думаю, что давало силы мне, самой ещё ребёнку, не сломаться, выжить, стать на ноги самой и воспитать брата. Одно знаю точно: нельзя падать духом, ни при каких обстоятельствах, надо всегда искать выход, тогда победишь.

23 года назад мы организовали общество блокадников Ленинграда. Нас тогда было 445 человек, сегодня осталось 115. Что значит для нас, блокадников, Победа? Праздник, радость, надежда, воспоминания и... боль, незаживающая рана.

Подготовила Т. Н. Ена

ФИЛАТОВ ЛЕОНИД КАСЬЯНОВИЧ

Филатов Л. К. родился 16 апреля 1936 года в г. Харькове.

В 1954 г. после окончания средней школы поступил на историко-филологический факультет Харьковского педагогического института. В каникулярное время работал вожатым в пионерском лагере или вместе со студентами географического факультета ходил в походы по Горному Крыму, по Киевской области... В 1957 г. перевелся в Полтавский пединститут, который и закончил с отличием по специальности «русский язык, литература и история».

В 1959 г. Министерство образования Киргизской ССР обратилось к выпускникам института с просьбой приехать на работу в труднодоступные районы республики, где ощущалась острая нехватка учителей русского языка. Так Л. К. Филатов с женой оказался в Центральном Тянь-Шане. Здесь работал 3 года. Здесь в высокогорном имении Дюрбельджин родилась дочь. В 1962 г. возвратились в Харьков.

1 октября 1962 г. был зачислен преподавателем кафедры русского языка подготовительного факультета для иностранных граждан Харьковского государственного университета, где проработал 30 лет, в том числе с 1973 г. по 1991 г. в должности заведующего кафедрой.

В 1985 г. «без отрыва от производства» защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

В 1978–1980 гг. работал на кафедре русского языка педагогического факультета Восточнословацкого университета, а в 1988–1991 гг. на кафедре русского языка Института переводчиков (г. Савонлинна, Финляндия).

В 1992 г. по просьбе руководства Харьковского института радиозлектроники был переведен в этот вуз для организации

кафедры украинского и русского языков (с 1993 г. кафедра языковой подготовки) факультета обучения иностранных граждан. Руководил этой кафедрой с 1992 по 2007 год. С 2007 г. по 2010 г. работал на этой кафедре в должности профессора.
С 2010 г. на пенсии.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Глядя, как в моей библиотеке растет число книг о Великой Отечественной войне, Максим, мой младший внук, спросил меня:

– Дедушка, почему ты так интересуешься этой войной?

– Ну, я же «дитя войны», – попытался отшутиться я.

А в самом деле. Почему мысли постоянно возвращаются к событиям раннего детства? Почему так хочется понять, что же тогда произошло с нами, со всей страной? И какова связь тех дней с тем, что происходит сегодня в нашей жизни?

До пяти лет у меня было вполне счастливое детство.

Жили мы в коммунальной квартире на пятом этаже многоквартирного дома, что на углу Пушкинской и Пушкинского вьезда. Родители работали, а я ходил в садик на той же Пушкинской. Садик располагался в двух особняках между поворотами на ул. Лермонтовскую и нынешнюю Студенческую. На одном из них красовалась мемориальная доска, гласившая, что в этом доме во время гражданской войны останавливался И. Сталин. А совсем недалеко, если спуститься с нагорной части города вниз на Журавлевку, жили не чаявшие души во мне, их единственном внуке, дедушка и бабушка.

Дедушкин дом представлял собой просторную деревенскую мазанку. Из городских удобств в нем было только электричество. Но зато вокруг дома рос прекрасный сад. Охранял его Дружок, сторож, может быть, никакой, но добрый и игривый пес.

Война застала нас с мамой в Великой Писаревке, на ее родине, где у мамы и дедушки была многочисленная родня,

Леня Филатов.
Февраль 1945 г.

очень любившая гостить у нас в Харькове. Младший брат дедушки, наверное, проводил тогда на Журавлевке больше времени, чем в своей В. Писаревке. Мы тоже частенько наведывались к ним.

Услышав, что началась война, мы тотчас собрались домой. Не помню, как мы добрались до Богодухова. Зато отчетливо помню тот воинский эшелон, что перевозил призывников из Богодухова на сборный пункт в Харькове. Нам удалось пристроиться в один из его товарных вагонов.

Когда, наконец, добрались домой, на столе увидели записку отца: «Ушел на фронт». В следующий раз мы встретились уже после войны.

В июле я оказался в больнице и после тяжелой операции вынужден был сидеть дома. Даже спускаться по лестнице в подвал во время воздушных налетов (в доме не было лифта) мне возбранялось. Мама работала, а я целый день сидел закрытым в нашей комнате и от нечего делать глядел в окно на Пушкинскую, по которой медленно ползли трамваи с огромными красными крестами на крышах. Они перевозили раненых, доставленных санитарным поездом на железнодорожную станцию, откуда уже специально переоборудованные трамваи везли их в «Гигант», превращенный в госпиталь. Наверное, это здание действительно вмещает в себя гигантское количество людей, так как трамваи ползли один за другим без конца.

Иногда днем объявляли воздушную тревогу. Выли сирены, где-то ухали взрывы. Довольно далеко, но все равно было страшно. Тогда я ложился спать. Засыпал, как ни странно, мгновенно. А когда просыпался, было уже тихо.

Вскоре я уже нормально ходил, и мама вечером после

работы вела меня на Журавлевку. Шли мимо «Гиганта», на широких балконах которого теснились, наверное, тысячи выздоравливающих красноармейцев. Все в одинаковых больничных халатах (эти балконы зачем-то убрали, когда восстанавливали «Гигант»). Миновал мой уже не работающий садик и еврейское кладбище, подходили к величественному зданию крематория. Меня всегда восхищала его огромная мраморная лестница, по обеим сторонам которой располагались ниши для урн. Здесь хоронили только самых почетных харьковчан. После войны высокие каменные стены крематория долго служили харьковским альпинистам летом для тренировок. Между крематорием и спуском на Журавлевку были рабочие бараки. С этим местом связано, может быть, самое яркое мое впечатление ранней осени 1941 года.

Однажды поздно вечером (было уже темно) мы подошли к спуску на Журавлевку, и в это время начался воздушный налет. Загрохотали зенитки, небо прорезали десятки прожекторных лучей. И вдруг над всей заводской частью города медленно поплыл огромный огненный шар. Скорее всего, это немецкий самолет сбросил на парашюте осветительную бомбу. Мы стояли, прижавшись к стене барака, не решаясь продолжить спуск и не в силах оторвать взгляд от открывшейся под лучами этого искусственного светила панорамы.

Воздушные налеты учащались, и мама решила отправить меня от греха подальше к бабушке и дедушке. С собой я прихватил мои книжки и папины шахматы. На Журавлевке, однако, тоже звучали сирены воздушных тревог и народ прятался где мог.

Дедушка тоже приготовил для нас убежище. Рядом с домом он вырыл неглубокую яму, чем-то ее накрыл, сделал лаз. Не знаю, от чего могло защитить такое «бомбоубежище», но, услышав сигнал тревоги, мы тут же устремлялись к нему. Я хватал в охапку книги и шахматы, подбегал к лазу, бросал вниз, что принес, а затем спускался сам.

После прихода немцев мы покинули свою квартиру, оставшуюся без света и тепла. И полностью перебрались на Журавлевку. Здесь было тепло: в доме было даже две печки, топившиеся дровами. Все, что представляло собой хоть какую-то ценность, мы перенесли с Пушкинской на Журавлевку. Зимой, когда начался голод, наша бабушка использовала эти вещи для обмена на продукты. Отобранные для обмена вещи она укладывала на мои саночки и отправлялась по деревням. Большею частью по Белгородской области: в русских селах харьковчан встречали приветливее и старались не столько что-то выменять, сколько помочь голодающим. Вообще моя бабушка была личностью героической. Она нисколько не боялась немцев. Завидя немецкую машину, бабушка «голосовала», и немцы часто подбирали и подвозили ее вместе с ее саночками. Так, благодаря бабушкиным стараниям мы пережили зиму.

Но говорят, беда не приходит одна. На этот раз она пришла с неожиданной совсем стороны: наш участок стало заливать. Журавлевка – это осушенное болото. В мирное время десятки насосных станций качали из-под земли воду для харьковского водопровода, поэтому уровень подземных вод понизился. Колодец, что был в нашем дворе, совсем пересох, и его пришлось засыпать. Теперь водопровод не работал, насосные станции остановились, и уровень подземных вод стал быстро подниматься. Вскоре вода стояла уже на всем нашем участке. Сад вымок. Стены дома до половины были не то что сырыми, а мокрыми. Полы начали гнить. Чтобы подойти к крыльцу дома, укладывали кирпичи и прыгали с кирпичика на кирпичик. В этой безнадежной ситуации инициативу вновь взяла на себя бабушка (мама и дедушка от голода едва передвигались). Она, стоя по колено в воде, стала насыпать грядки земли, чтобы на них выращивать какие-нибудь овощи. На улице, уровень которой был выше, чем уровень нашего участка, бабушка выкопала огород и выращивала картофель. Мы, как могли, ей помогали. Так удалось пережить и лето 1942 года.

Осенью на семейном совете было решено отправить нас с мамой к родне в В. Писаревку. Понятно, что у них сейчас тоже не густо, но голодная смерть там не грозит. Однако от бывшего радушия у наших родственников ничего не осталось: «Чортові харківські старці! Уже б і помирали там разом».

И даже в дом не пустили. Кто нас приютил, я не помню. Помню только сени, где оставляла меня мама, когда уходила искать какую-то подработку. В этих сенях было не очень холодно. В них обитал годовалый теленок, привязанный довольно толстой веревкой. Эта веревка позволяла ему передвигаться по всему помещению, кроме дальнего уголка, в который забивался я. Почему-то мне казалось, что теленок хочет меня заבודать, хотя ему, может быть, хотелось просто познакомиться со мной. Так я и сидел в своем уголке, боясь, что веревка развяжется и теленок набросится на меня, пока не приходила мама.

Однажды мама послала меня просить милостыню. Глядя на то, как это делают нынешние попрошайки в поездах метро или электричек, я всегда вспоминаю свой печальный опыт. Никаких таких приемов типа падания на колени и завываний, я не знал. Только смотрел на людей своими голодными глазами, а потому ничего и не выпросил.

В середине февраля 1943 г. Харьков был освобожден, и бабушка со своими неизменными саночками бросилась в В. Писаревку забрать нас домой. Дорога в Харьков по весеннему мокрому снегу врезалась в мою память несколькими эпизодами.

Мы остановились передохнуть в доме на окраине какого-то поселка рядом с ликеро-водочным заводом. Завод находился в лощине на берегу ручья. А выше по гребню холмов шла дорога, забитая нашими отступающими частями, двигавшимися в основном на телегах, запряженных большей частью волами. Над отступающими летали немецкие самолеты, но не бомбили. Однако стоило кому-нибудь сойти с дороги, как тут же по нему открывали огонь немецкие летчики.

Завод не работал, его емкости были открыты, и спирт выливался прямо в ручей. Поэтому оба его берега были облеплены красноармейцами, которые черпали этот раствор чем придется и тут же пили. Немецкие летчики их не трогали, но, когда я попытался отойти от ручья в сторону, я услышал, как что-то бьет по стволам деревьев. То, что это стреляет по мне немецкий самолет, я не понял и поэтому не испугался. А испугался я криков наших солдат, которые звали меня вернуться. На крики выскочила из дома мама и забрала меня.

На следующее утро мы брели вдоль большака на Харьков. На дороге никого не было, но по обе ее стороны лежали трупы. Поодиночке или группками. Все в темных ботинках и ватных брюках. Оружия видно не было. По-видимому, это были те, кого мобилизовали на временно освобожденной территории. Ни оружия, ни армейской формы им еще не выдали. От трупа к трупу ходили женщины. Что они делают, я никак не мог понять. Оказалось, снимают с убитых сапоги. В Харьков мы пришли, когда здесь уже снова были немцы.

До лета 1943 года немцы редко появлялись на нашей улице. А если и останавливались, то только в одном доме. В начале улицы на сравнительно сухом месте стоял единственный на весь наш микрорайон кирпичный дом. Действительно городской, с высокими потолками и широкими окнами. Принадлежал он пожилой еврейской семье. Вся улица знала, что трое сыновей этой семьи – боевые летчики Красной Армии (на улице, как в деревне, все знали все обо всех). Но не нашлось, наверное, доносчика и эта еврейская семья благополучно пережила войну. Вот только сыновья не вернулись с фронта.

По мере приближения военных действий к городу немецких войск в нем становилось все больше. Теперь местом их постоя становился чуть не каждый дом. Дошла очередь и до нас. Как ни странно, в нашем полузатопленном доме поселился офицер. Первое, что сделал наш постоялец – он взял единственное в доме кресло, повесил на него свой парадный мундир

и поставил кресло у входа (летом все двери в доме держали открытыми, чтобы выходила сырость). Когда кто-нибудь из немецких солдат заскакивал к нам, наверное, с целью чем-то поживиться, он, увидев офицерский мундир, тут же поворачивал назад. А я с благодарностью вспоминаю этого человека: ведь он вылечил меня от малярии.

За два года оккупации чем я только не болел. Но малярия превзошла все: то ужасный озноб, зубы беспрерывно стучат и нет сил остановиться. Потом дикий жар. Видя мои мучения, немец принес мне лекарство.

После освобождения города мама пошла работать на восстанавливающийся авиационный завод. Уходя на работу рано, приходила домой поздно. Идти ей нужно было через территорию разбомбленного кирпичного завода. Это было опасно: в городе орудовали банды, в поисках поживы они грабили, а то и убивали запоздалых прохожих. Поэтому, как только темнело, бабушка брала большую палку и шла встречать маму.

Жили мы надеждой, что война скоро закончится, что с фронта вернется отец.

Накануне Победы откуда-то из-под Кенигсберга от отца пришла посылка: яичный порошок, консервы и даже баночка стуженного молока. Ничего подобного я никогда не видел.

Пришло время идти в школу. Школа на Журавлевке была одна – 110-я средняя украинская. А украинского я не знал. Вернуться на Пушкинскую мы не могли: нашу квартиру кто-то занял. Подождали год, пока откроется еще одна средняя школа на Журавлевке. 134-я. Но и она оказалась украинской (украинизацию придумали вовсе не нынешние власти). Пришлось идти в 110-ю. Как говорила классная руководительница:

– Он читает украинские слова чисто по-русски.

Учиться было не интересно, и я целыми днями болтался по улицам. Потом пристроился ездить на подножках трамваев

и пригородных поездов. Зато я знал, наверное, каждый восстанавливающийся дом в огромном городе, знал, где и что строится, где прокладывают новую трамвайную линию... Я видел, как оживает мой родной город, и понимал, что вместе с ним поднимается и вся страна.

Уже после Победы открыли на Журавлевке школу с русским языком обучения – 96-ю. Мы бросились туда. Школа располагалась в двух не приспособленных для учебных целей зданиях: одном двухэтажном и одном одноэтажном. Классы отделяли друг от друга фанерные перегородки. Все, что говорилось в одном классе, было слышно в другом. Но зато в школу пришли работать вчерашние фронтовики, боевые офицеры, я думаю, очень соскучившиеся за время войны по своей учительской работе. Среди них был Евсей Израилевич Ошеров, учитель истории, ставший вскоре нашим классным руководителем.

Класс ему достался трудный. В нем были собраны ученики разного возраста: кому-то нужно было идти в школу в 1941 году, кому-то – в 1945-м (в этом возрасте разница в несколько лет особенно ощутима). Почти у всех не было отцов. Матери работали, и мы были предоставлены сами себе. Поначалу воспитывала нас улица. Все решения мы принимали самостоятельно. Пусть не все они были правильными, но это были наши решения. Нас невозможно было заставить что-то делать. Нас нужно было убедить. Если кто-то из учителей не пользовался среди нас уважением, то для него работа в нашем классе превращалась в ад (похоже, жалости мы не знали). Но если кому-то доверяли, то доверяли полностью.

Евсей Израилевич никогда никого не ругал. Кажется, кричать он просто не умел. Говорил он негромко, зато с каждым как с равным.

Много лет спустя я сидел в маленькой комнатухе моего Учителя в полуразвалившемся доме где-то на Чеботарской.

Мы пили чай и говорили о нашем классе. Евсей Израилевич сказал фразу, которую я не сразу осмыслил:

– После вас, – сказал Евсей Израилевич, – у меня уже было несколько выпусков. Но это были дети, пусть взрослые уже, но дети. А вы... Вы были личностями.

Сейчас я думаю, что в понятии «дети войны» есть нечто большее, чем простое указание на возраст и на то, что в детстве эти люди испытали много горя. Я думаю, что это несколько нелепое название относится к целому поколению людей, воспитанных на гордости за свою страну, победившую в столь жестокой войне и восставшую из руин, и веривших, что их личные интересы совпадают с интересами всего многонационального народа.

Подготовила В. Н. Билык

ЧИНСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Чинский А. А. родился 3 июня 1925 года в г. Сталинграде. Отец – водник, пропал без вести в 1929 г., мать – разнорабочая, пропала без вести в 1944 г. С 1940 по 1941 учился в ремесленном училище № 1 в г. Волгограде, затем до октября 1942 г. работал токарем Волгоградского тракторного завода. Переехал в с. Заплавное, где был секретарем леспромартели «Чакан».

Боевой путь начался в 1943 г. в г. Энгельс. С февраля 1943 г. – курсант 3-го Орджоникидзевого пехотного училища. Продолжил службу во 2-м Астраханском пехотном училище, где обучался с февраля 1944 по март 1945 г. Получил звание младшего лейтенанта и был отправлен на 3-й Украинский фронт в 20-й отдельный полк резерва офицерского состава. С июня 1945 г. – командир взвода 206 стрелкового полка 93 стрелковой дивизии. В октябре 1945 г. служил литсотрудником редакции газеты «За Родину!» 93 стрелковой дивизии, через год – литсотрудником газеты «Вперед» 19 танковой Перекопской дивизии.

После войны окончил факультет журналистики Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

С 1947 г. по 1953 г. – литсотрудник редакции газеты «Советский летчик» 32 воздушной истребительной армии ПВО. Служил фотокорреспондентом редакции газеты «Советский летчик», «На страже Родины», корреспондентом «На страже» Киевской армии ПВО, газет «Ленинское знамя», «Знамя Победы». С 1964 г. по 1979 г. служил в газете «На боевом посту» Забайкальского военного округа.

После выхода в запас переехал в г. Харьков. В Харькове работал внештатным корреспондентом газет «Время», «Вечерний Харьков». В Харьковском институте радиоэлектроники (сейчас ХНУРЭ) был редактором вузовской газеты «Квант». Награжден

15 медалями, орденом «За службу Родине в вооруженных силах СССР».

Сейчас – полковник в отставке.

КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

День Победы я встретил в поезде на станции Раздольное. Мне было тогда 20 лет... Ехал я в эшелоне на Южный фронт...

Товарищи со мной ехали все молодые по 19–20 лет, редко кто был старше. 180 человек!

В 1941 г. погибло много моих ровесников. В начале войны им было по 16 лет – и очень многие пошли добровольцами на фронт. Они приписывали себе пару лет и уходили на фронт. Поколение 1925 года...

Моя жизнь сложилась иначе. Почему я не ушел добровольцем? Сейчас я уже не помню и, вообще, не люблю вспоминать об этих годах...

В прозе Булата Окуджавы (не мой, кстати, поэт, но мой ровесник (1924 г. р.)) было описание подходящего мне мироощущения: «В семнадцать лет мой отец создавал в подполье комсомол, а я ничего не создал... я даже десятого класса не кончил... Смогу ли я на танк выйти? Нет, не смогу... А я солдат... Что случилось: всех подняло, понесло, перепутало...».

Я ведь тоже не закончил десятого класса. Я закончил семилетку, и это, наверное, отразилось на моей судьбе, стало причиной, почему именно меня выбрали в свое время и послали в военное училище, а не сразу на фронт. Так я остался живым.

Сам я родился в Сталинграде в семье водника-штурвальщика речного буксира «Встречный», мать была разнорабочей, воспитывала меня бабушка, замечательная певица. Такого голоса я больше никогда ни у одной певицы в жизни не слышал.

В период тяжелых, кровопролитных боев под Сталинградом осенью и зимой 1942–1943 гг. я жил с матерью и отчимом в бараке в районе завода «Лазурь». Это было в двух километрах

от немцев. Видел, как немцы наступали. Пули свистели все время. Бомбили нас каждый день. Однажды утром я решил сосчитать, сколько самолетов бомбили наш участок. Насчитал около 1000 самолетовылетов.

Отчим был стар. На фронт его не призвали, и я даже смутно не могу вспомнить сегодня, чем он занимался.

В бараке, в котором мы жили, было 24 комнаты по 12 метров каждая. Еду готовили в общем коридоре, на табуретке стоял примус. Я таскал с полей пригоревшую пшеницу, однажды притащил из разбитого мяскокомбината вяленую ногу. Есть хотелось постоянно. За водой ходили, конечно, на Волгу – метров 300.

Когда немцы приблизились и стали чаще обстреливать, один из жильцов сказал, что они думают, что наш барак – это солдатские казармы и предложил его сжечь. Никто даже не подумал, где мы будем жить.

Однажды по берегу Волги я пошел к бабушке. Меня не пустили, сказали, что дальше нельзя. Стал возвращаться, поднимаясь по крутому берегу Волги. Пули свистели. Мне стало страшно. Я спрятался между какими-то вагонами. Пули рикошетили от колес. Часов в шесть вечера обстрел прекратился (нам тогда казалось, что немцы в это время ужинают) и я вернулся в барак.

Я был учеником ремесленного училища № 1 при Сталинградском тракторном заводе. Через год обучения направили на завод токарем в цех № 10, работал на станке ДИП-500, обтачивал коленчатые валы для мотора танка Т-34. Эти станки были изготовлены в конце 30-х годов XX века. Буквенный индекс станка ДИП-500 обозначает следующее: «Догоним и перегоним» – лозунг советского станкостроения послереволюционного периода, ставший названием целой линейки станков.

Весной 1942 г. на заводе была сформирована рота автоматчиков из числа работников, достигших 18 лет. Отработав полную смену, они изучали в системе всеобща автомат ПППШ.

Рабочие места убитых на фронт заняли мальчишки и девочки. Часами стояли у станков.

24 августа 1942 г. у меня, как и у других рабочих, закончился рабочий день. Пошли к выходу, но ворота оказались заперты. С запада появились немецкие самолеты – 30 юнкерсов-88. Среди всех боевых немецких самолетов периода второй мировой войны немецкий юнкер был самым известным, печально известным. Этот самолет выпускался в различных модификациях: как дальний и пикирующий бомбардировщик, штурмовик, разведчик и даже тяжелый и ночной истребитель. Он стал символом страха для многих людей во многих странах мира.

Зенитчицы в тот день открыли огонь из скорострельной пушки. Ведущий взорвали, и из него выпрыгнул один немец на четырехугольном парашюте, что поразило нас чрезвычайно. Когда остальные самолеты подошли совсем близко, толпа рабочих нажала на ворота и сломала их. Все бросились врассыпную. Я тоже бросился в ближайший сквер. Надо мною завывали бомбы. Все они летели на завод. А я лежал в сквере и ждал, когда закончится налет, а потом шел пешком домой десять километров. Раньше можно было доехать на трамвае. Город горел. В тот день немцы обрушили на город 2000 самолетовылетов.

Наверное, потрясенный всеми этими событиями, я пошел туда, где жил до 14 лет, к бабушке, а не в свой барак. Прошел переулочек и увидел наш дом с приплюснутой крышей. Бабушки не было. И тут надо мной опять загудели юнкерсы. Я видел, как от них отрывались бомбы, и они летели прямо на меня. У меня с собой почему-то была алюминиевая ложка, и я стал рыть себе окоп.

В ночь с 17 на 18 октября я договорился с двумя солдатами на берегу Волги, что они перевезут на лодке нашу семью на левый берег. Добрались до села Заплавное и устроились у сестры моего отчима жить. А я пошел работать секретарем леспромартели «Чакан».

Чинский А. А. Курсант.
Акбулак. 1944 г.

В январе 1943 меня призвали в армию, а 12 февраля вместе с другими мобилизованными поехали в г. Энгельс в Орджоникидзевское военно-пехотное училище (ОВПУ). Там нас поселили в школе, которая не отапливалась.

23 марта 1943 г. я принял присягу.

В мае меня отправили в госпиталь в г. Саратов с диагнозом «скорбут», так называли цингу. В госпитале я лежал четыре месяца. Немцы стали бомбить Саратов, и наш госпиталь отправили на Урал в г. Орск. В первый месяц войны в Орске было открыто 3 эвакуогоспиталя, а всего за годы войны их было открыто 7. В одном из них оказался и я.

В сентябре меня выписали из госпиталя и направили в запасной пехотный полк в районе Акбулака. Акбулак – районный центр на юге Оренбургской области, Акбулакский район граничит с Казахстаном.

В январе в полк приехали два офицера и спросили, хочу ли я вернуться в училище. Я согласился. И стал курсантом 2-го Астраханского военно-пехотного училища.

Уже отсюда в чине младшего лейтенанта отправился с эшелонам на Южный фронт.

Ехали мы долго. Командиру нашей роты было, наверное, лет 25. У него было уже четыре ордена. Но я был, почему-то, у него авторитетом, может потому, что в училище был редактором газеты. Однажды он у меня спросил, как я думаю, когда закончится война? Я тогда очень уверенно ответил: «В июне». Ошибся на один месяц.

Очень долго мы стояли тогда в Раздольном. И час, и два, и три... До утра стоял эшелон. Никуда нас, конечно, не отпускали. А в два часа ночи меня разбудили и сказали, что Победа!

Обнимались, плакали, кричали что-то, танцевали. Никогда потом не видел я такого чистого лучистого счастья. Мы верили в нашу Победу. Даже в страшном невероятном 1941 году верили. И, когда в 1942 году, под вражескими пулями, меня с матерью вывозили на другой берег Волги и каждая пуля могла оказаться моей или маминой, верили в нашу Победу. Верили так же, как верим в то, что утро сменяет ночь и весна сменяет зиму.

Закончилась одна из самых ужасных и кровопролитных войн, закончилась Победой нашего народа, освободившего не только свою, но и другие земли от фашистского варварства.

А наш эшелон шел дальше, мы не скоро еще вернулись на Родину. Ехали долго. В Румынии увидели первого «буржуя», по станции шел пузатый мужчина. Он, конечно, не был никаким «буржуем», но мы были твердо в этом убеждены.

Там же, в Трансильвании наш последний вагон оторвался. И мы остались в лесу. Вот тогда нас почему-то выпустили из вагонов. Тишина, соловей поет. В лесу я тогда нашел серебряную ложечку. Она у меня долго хранилась, я ее даже привез в Харьков. Потерялась такая забавная память....

Не знали, где высадимся. Из Югославии в Венгрию, из Венгрии в Австрию... Менялись железнодорожники и поезда. В Австрии нас вез совсем игрушечный паровозик.

Все знали, что идут последние дни фашистской Германии, – над Берлином наше знамя Победы.

Для меня еще не скоро закончилась война. Но тогда на фронте я определился со своей будущей профессией, жизненные обстоятельства складывались так, что всегда я был с блокнотом и ручкой, всегда «На боевом посту», как позже называлась газета, в которой я работал много лет в Забайкальском военном округе. Я стал военным журналистом.

Подготовила Г. А. Чинская

ШАПОВАЛОВА ПЕЛАГЕЯ ФЕДОРОВНА

Шаповалова П. Ф. родилась 2 декабря 1926 года в селе Мерлово Харьковской области в многодетной семье колхозников.

В 1934 году пошла в 1-й класс и в 1941 году успешно окончила 7 классов.

Отец ушел на фронт и в 1943 году погиб под Харьковом.

Когда в 1943 году освободили Харьков, пошла работать в колхоз и заочно учиться на бухгалтера. В 1948 году по распределению уехала в самый отдаленный район Харьковской области – Шевченковский, а в

1949 году переехала в Боровский район, где работала бухгалтером в колхозе.

В 1953 году вышла замуж и родила двоих детей: Валю и Анатолия.

В 1964 году из Боровского района с семьей переехали в г. Люботин, Харьковской области, где работала в облпотребсоюзе.

Живет в поселке Солоницевка, Дергачевского района, Харьковской области.

ВО ИМЯ ЖИЗНИ – ПОМНИТЕ!

Когда меня просят рассказать о войне, я всегда готова говорить много и долго, потому что прожила длинную жизнь, многое видела, многое выстрадала и считаю, что забывать это страшное время нельзя. О нем нужно знать и помнить, чтобы никогда не повторилось то, что называется страшнейшим словом – война!

Я родилась в многодетной дружной простой семье. Все

у нас могло сложиться иначе, все мои братья и сестры могли бы быть живы и счастливы. Но война внесла свои коррективы.

В 1943 году у меня было 7 братьев и 3 сестры, а потом они начали умирать от голода, холода и нищеты. Нам просто нечего было есть. Закончились все продукты. Чтобы как-то выжить, мама ходила на менку, меняла одежду на зерно, а когда наступила весна, ели цветы акации, липы.

Помню, очень ждали отца с фронта, надеялись, что он где-то найдет продукты. А он не пришел...

Он не дожил до того исторического дня, когда освободили Харьков, не дожил каких-то несчастных 6 дней. Погиб отец 17 августа 1943 года в 50 лет.

Война принесла много страданий и горя в каждую семью, сделала сиротами миллионы детей.

Я хорошо помню первый день войны. Это было воскресенье. Мама рано утром пекла пироги. Младшие дети спали, а старшие помогали маме.

В этот момент – странный стук в ворота. Как застучит, как закричит кто-то: «Война! Война!».

Мне тогда было 15 лет, только что закончила 7 классов, строила планы на будущее. В один миг все планы рухнули как картонный домик.

По селу бежали люди и плакали. Ровно через 4 месяца пришли немцы в наше село и оккупировали на долгих 2 года. Перед глазами страшные картины той страшной действительности: эвакуировали зерно, выгнали скот и начался голод.

Особенно было тяжело зимой, когда кроме еды не было и тепла. Люди умирали прямо на улице.

Мы все это время жили в погребе, что, наверное, и спасло нам жизнь. В селе, где мы жили, были сожжены почти все дома, но жизнь продолжалась.

Не знаю, но какая-то неведомая сила спасла мне жизнь. Наверное, чтобы сейчас я смогла рассказать об этом и предостеречь «горячие головы» от новой катастрофы, от новой войны.

Современная молодежь совсем не похожа на нас. У них другие интересы, другие взгляды на жизнь. Может, это и правильно, жизнь не стоит на месте. Ну почему современным пятнадцатилетним подросткам не всегда можно доверить какое-то ответственное дело? А ведь нам доверяли.

Мне, пятнадцатилетней девочке, доверяли во время войны штемпельную подушку и печать. Я могла выдавать справки колхозникам и ставить на них печати.

В 15 лет я стала взрослой.

Когда 9 мая 1945 года закончилась война, я как раз была в поле, обмеряла землю. Слышу крик, все куда-то бегут. Я подумала, что пожар, и тоже побежала к сельсовету. Бегу и вижу: все, и молодые, и пожилые люди плачут. Некоторые стали кидать шапки, смеяться и кричать: «Победа! Победа!» Мы с мамой не плакали, мы голосили. Мама всегда голосила, когда было горе, а я ревела, ревела от счастья. Помню, как мама кричала: «Ой, людочки, ой, людочки, а мой погиб!».

В этот день мы все собрались возле сельсовета и слушали Левитана. Мы слушали и плакали, плакали и смеялись. Нашей радости не было конца. Так было и на следующий день.

А уже 11 мая все вышли из своих дворов и начали наводить порядок в селе. Мы убирали улицы, чистили колодцы.

Многие мои земляки, в том числе и я, собрались в Харьков на стройку. Нужно было восстанавливать хлебозавод.

В первые послевоенные годы (1945–1947 гг.) было очень тяжело. В результате засухи люди голодали 2 года. Колхозы развалились. В поисках работы и продуктов питания люди ехали кто куда. Очень многие уезжали во Львов. Там была работа и

еда. Поезд «500-й веселый» (так называли состав, состоящий из 10 вагонов по 50 стоячих мест для скотины или их еще называли «телячий вагон»), увозил на Запад всех: и молодых, и стариков, всех, кто пытался выжить в тяжелый послевоенный период. Вместе с другими уехала и я. Проработала я там 3–3,5 месяца за еду. Домой привезла просо и муку, а в памяти немецкие кресты и страх перед бандеровцами. Западная Украина славил Бандеру, пела ему хвалебные песни. Я же видела совсем другое. Бандеровцы ненавидели русских, убивали их и тех, кто их поддерживал.

Сегодня тоже славят Бандеру, считают его патриотом Украины. А мне кажется, что патриотизм должен проявляться в поступках людей, в гуманном отношении друг к другу. Патриотические чувства должны создавать, а не разрушать, повергнув в хаос мирную жизнь.

Настоящий патриот должен не на словах любить свою Родину, а на деле. Он должен быть честным и порядочным, нести только добро, беречь светлую память о людях, которые ценой собственной жизни обеспечили мирное небо над головой не только для своего поколения, но и для многих поколений, живших после той страшной войны.

Подготовила Г. В. Крымская

*Мы – дети давно уж минувшей войны.
Нас уже не слышать, мы своё открычали.
Не волнуйтесь! Вы нам ничего не должны.
Мы уходим. И с нами – все наши печали.*

Иван Рядченко

В ДЕНЬ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ

Еще стояла тьма немая.
В тумане плакала трава.
Девятый день большого мая
уже вступал в свои права.
Армейский зуммер пискнул слабо.
Два слова сняли грузный сон.
Связист из полкового штаба
вскочил и бросил телефон.
И все!
Никто не звал горнистов,
никто не подавал команд.
Был грохот радости неистов.
Дробил чечетку лейтенант.
Стреляли танки и пехота.
И, раздирая криком рот,
впервые за четыре года
палил из «вальтера» начпрод.
Над мутной торопливой Тисой –
и стрекот выстрелов и гул.
К жару привыкший повар лысый
зачем-то ворот расстегнул.
Не рокотали стайки «яков»

над заплылашею зарей.
И кто-то пел.
И кто-то плакал.
И кто-то спал
в земле сырой.
Вдруг тишь нахлынула сквозная.
И в полновластной тишине
спел соловей,
еще не зная,
что он поет не на войне.

Владлен Гиржанов

ГИМН СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ

Мы не забудем подвига отцов,
Кто поднимался первыми
в атаку
И вражеским
сраженные свинцом
К победе падали лицом,
Не смея отступать назад
ни шагу.
Мы помним,
кем для нас был враг,
Прошедший
всю Европу маршем,
И над поверженным
Рейхстагом красный флаг
И цену за победу нашу.
Среди заслуженных наград,
полученных на поле боя,

Нам вечная
 дана людской любовью
За то, что испытали на себе
 фашизма ад
И отстояли Сталинград,
Который был
 для всех судьбою.
Война сломала наши судьбы,
У многих отобрала жизнь
И навсегда осталась людям
В бессмертной памяти живых.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Л. В. Собко,
профессор кафедры экономики предприятия ХГУ «НУА»

Дети войны

Рвались снаряды, пули свистели,
Снились ночами недетские сны –
С первой бомбежкой навек повзрослели
Дети Великой Священной войны.

Есть в обученьи известное средство:
Нам испытанья по сроку даны –
Только остались по жизни без детства
Дети Великой Священной войны.

Чтобы смеялись их дети и внуки,
Радуюсь солнцу, приходу весны –
Спрятали в сердце недетские муки
Дети Великой Священной войны.

Помните, взрослые дяди и тети:
Честолюбивых вы планов полны,
Но на планете той, что живете,
Есть еще дети у каждой войны.

9 мая 2002

Новый век в весок стучится
Новой прядью седины.
В нем ко мне придут учиться
Дети внуков той войны.

В прошлой жизни, в прошлом веке
Для них кончилась война.
Искрой в прошлогоднем снеге
Им Победа не видна.

Но тех дней священных память
Я забвенью не отдам.
Приходите, внуки внуков –
Память сердца передам!

9 мая 2001

Перелистнула жизнь страницы.
И нам все менее видны
Бойцов стареющие лица
На пепелище той войны.

От нас безропотно уходят,
Забыли сами подвиг свой...
А мы в весеннем хороводе
Лишь будоражим их покой...

Глаза, поблекшие в печали,
На миг блеснули жизнью вновь,
Когда им девушки вручали
Гвоздики алые, как кровь...

9 мая 2003

«Лицом к лицу – лица не увидеть»...
Большое – с расстояния виднее.
И время лечит... Отчего ж тогда
Май сорок пятого – чем дальше, тем больше?

Победа – скорбь и радость пополам.
Победа – смерть и жизнь в одном сосуде.
И не поняв того, что было там,
Нам не понять того, что с нами будет.

Но все трудней до истины дойти.
Истории страницы – не скрижали.
И я взываю: Прошлое, прости,
Что мы тебя опять переписали.

А господам-товарищам скажу:
Не тратьте ни бумагу, ни чернила.
Я в Прошлое по-своему гляжу,
И свой закон Истории открыла:

Здесь на Земле тернистая стезя.
Потерям несть числа – война, разруха.
Но тот народ, что победить нельзя,
Хранит Господь для возрожденья Духа.

9 мая

*Две тысячи первый. Девятое мая.
Горпарк. Фронтальная семья.
Они на скамейке. И, рядом гуляя,
Невольно прислушалась я.*

Шутник внучок дедулю учит:
«Когда б не метко ты стрелял,
То нам обоим было б лучше,
И ты в Баварии б гулял,
И пил бы пиво золотое
Под шапкой пенистой, густой,
Под «Венский вальс»...

«Господь с тобою,
Не богохульствуй, внук, стой!
Когда б фашист осилил нас,
Мы б не гутарили сейчас.
Когда б я метко не стрелял,
То я и здесь бы не гулял,
А там бы в грудь поймал свинец,
И не родился б ты, малец!

Видала, бабка, шустряка:
Внучку б баварского пивка!»

Внук сразу понял: плохо дело,
Так шутка дедушку задела!

«Чего завелся ты, дедусь?
Без их я пива обойдусь!
Без задней мысли я, любя,
Лишь подколоть хотел тебя.
Давай заключим мировую:
Тебе я чарку презентую,
Те командирские сто грамм,
Что разрешит бабуля нам.
А ты мне шалости прости –
Роганским пивом угости.
Не кипятись, живи спокойно.
Я, дед, потомок твой достойный.
Поверь, отладим нашу жизнь
И будем так жить, что держись!
И будут из твоей Европы
Сюда посланцы приезжать,
Чтоб самой лучшей жизни опыт
Здесь, в Украине, изучать.

А станет солнце их палить –
Пивка попросят попить
Монастырского из кегов,
Слобожанского
И любого пусть другого,
Только бы Роганского!

Быть не может, убежден я,
Чтобы победители
Жили хуже побежденных,
Дети – хуже, чем родители.

Меняется история.
Студенты курс валют
Не в экономтеории,
А в жизни познают.

Меняются кумиры.
Берлинская стена
Ушла на сувениры,
А вместе с ней – война.

Меняемся мы сами.
И лишь всегда одна
Спешит на встречу с нами
По-прежнему весна.

И радость встречи этой
Под небом голубым
Ты дал нам той победой,
Когда был молодым.

И я, будь, дед, уверен,
Земле своей всегда
Во всем останусь верен,
Как ты в свои года».

*Две тысячи первый. Девятое мая.
По парку гуляет семья.
Их внук – мой студент,
И, ему доверяя,
С дедушкой радуюсь я.*

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Сурков. Утро Победы	3
Введение	4
Абрамова Клавдия Ивановна	7
Это праздник со слезами на глазах... ..	8
Артеменко Людмила Александровна	11
Мое послевоенное детство	11
Астахова Валентина Илларионовна	14
Мы обязаны помнить	14
Батраченко Нинель Владимировна	18
Память – животворная сила настоящего	19
Богонос Мария Терентьевна	21
Я помню тот благословенный день	22
Бондаренко Николай Петрович	24
Будем помнить всегда	25
Варжик Нинель Михайловна	28
Пусть этот день останется для нас единственным и неповторимым	28
Варшавская Элла Абрамовна	31
Яркий след прошлого	32
Гнедко Тамара Сидоровна	35
Головне свято мого дитинства	35
Горюн Валентина Ивановна	37
У каждого свой счет к войне	38
Душина Людмила Николаевна	43
Детство, опаленное войной	43
Елетин Петр Петрович	46
Пусть всегда будет мир	47
Зинкевич Светлана Владимировна	50
Незабываемые страницы жизни	50
Ивашко Людмила Васильевна	54
Нам и нашим внукам нужен мир	55
Коваль Раиса Ивановна	60
Война нас била и ломала... ..	61
Лаванов Алексей Николаевич	65
Незабываемые дни	67

Леонов Валентин Павлович	72
Дыхание Победы	72
Наумова (Пантелеева) Зинаида Григорьевна	76
Это забыть невозможно	76
Пальчик Раиса Федоровна	80
Искры памяти	80
Пилипенко Лилия Прокофьевна	85
У нас одна на всех Великая Победа	85
Подручняк Людмила Андреевна	90
Память о Великой Победе	90
Полина Валентина Сергеевна	97
О далеком и незабываемом	97
Пугач Евгений Петрович	101
Детское восприятие праздника Победы	101
Рева Анатолий Иванович	106
Наш победный салют	106
Рускова Ольга Михайловна	111
Я была на параде Победы... ..	112
Соболев Виктор Александрович	116
Война из нашей памяти уйти не может	116
Сухина Валентина Феофановна	119
Первый день без чувства страха	119
Терновенко Анатолий Гаврилович	122
Победный салют	122
Фетисова Мария Петровна	125
Счастье и боль Победы	125
Филатов Леонид Касьянович	128
Незабываемое	129
Чинский Александр Александрович	138
Когда закончилась война	139
Шаповалова Пелагея Федоровна	144
Во имя жизни – помните!	144
Мы дети давно уж минувшей войны... ..	148
Собко Л. В. Память сердца	151

Літературно-художнє видання

**ПЕРШИЙ ДЕНЬ БЕЗ ВІЙНИ.
ДІТИ ВІЙНИ ПРО ВІЙНУ ТА ПЕРЕМОГУ**

(російською та українською мовами)

За загальною редакцією
доктора історичних наук, професора В. І. АСТАХОВОЇ

Редактор *Н. В. Мазена*
Компютерна верстка *І. С. Кордюк*
Художник *Р. М. Третьяков*

Підписано до друку 25.12.2014. Формат 60×84/16.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс».
Ум. друк. арк. 9,30. Обл.-вид. арк. 9,80.
Тираж 300 пр. Зам. № 10/15.

Видавництво
Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.